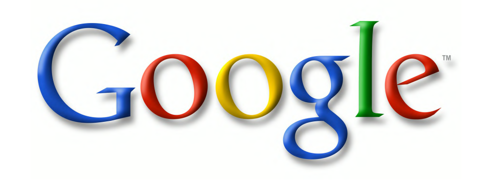
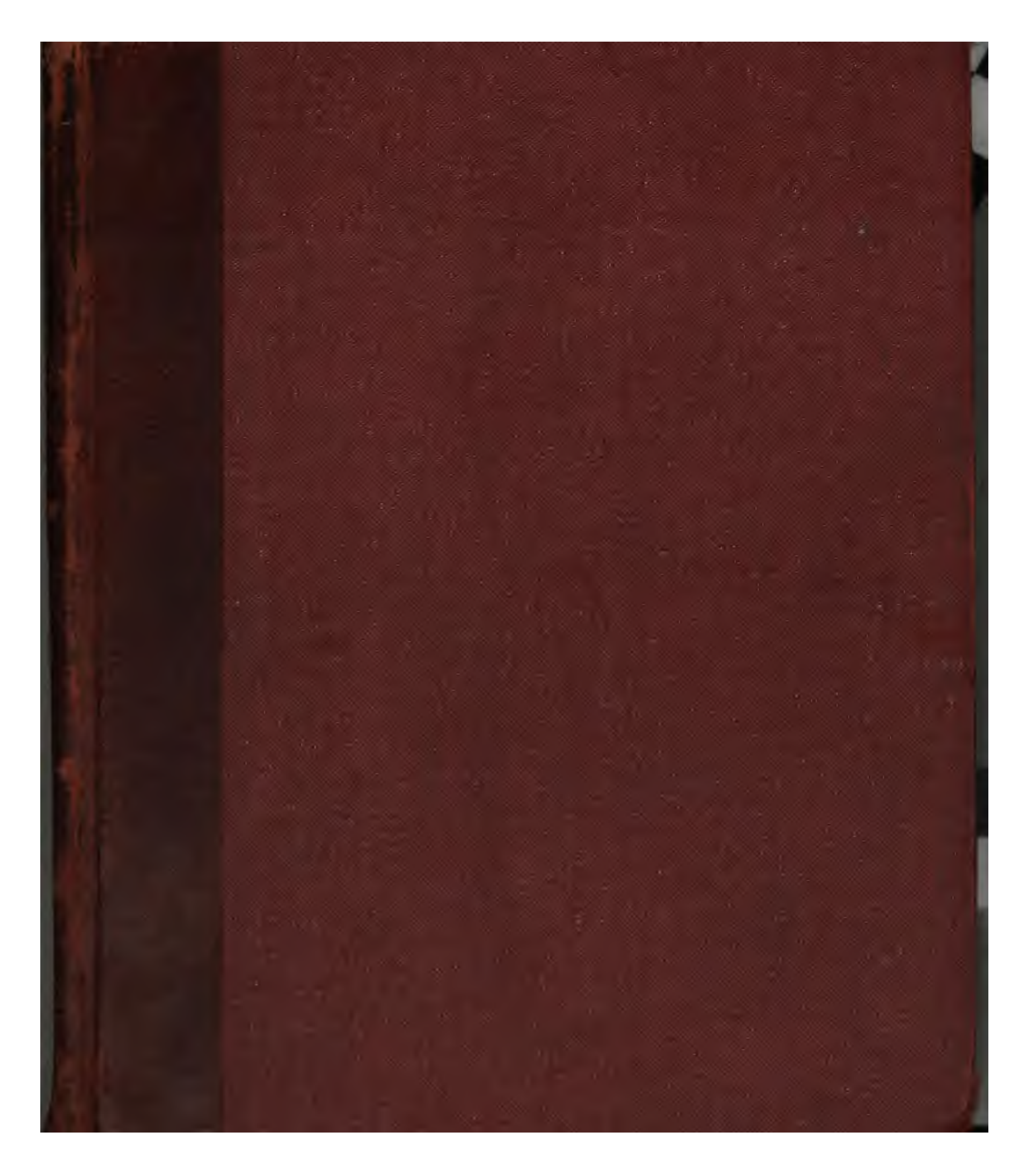

Милой Верочке
М. Щ.

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

Изъ женскихъ Писемъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Изданіе Д. П. Ефимова.
Москва, Б. Дмитровка, д. Бахрушиныхъ.

Дозволено цензурою Москва, 14 марта 1903 г

Изъ женскихъ писемъ.

Стихотворенія.

Посвященіе.

Тебѣ стихи мои, тебѣ, мой добрый геній!
Твой свѣтлый взглядъ во мнѣ надежду воскресилъ,
Открылъ мнѣ новый міръ чистѣйшихъ вдохновеній
И влилъ въ меня притоки свѣжихъ силъ.
«Живи!» слова твои мнѣ строго зазвучали:
«Забудь свои мечты, забудь свои печали,

«Но, растворившись вся въ лучахъ Его
любви,
«Себя отрадою несчастныхъ назови!
«Живи, живи для тѣхъ, кто слезы
льетъ тоскуя,
«Своей поэзіей имъ, какъ раба, служи
«И прокаженному—въ отрадѣ поцѣ-
луя,
«Какъ нѣкогда святой, и ты не откажи!
«Да, люди бѣдные и слабы, и пре-
ступны,
«Но имъ даны и смѣхъ, и слезы отъ
Творца,—
«Такъ пусть твои слова имъ будутъ
всѣмъ доступны,
«Хоть робко, но стучись съ любовью
въ ихъ сердца!

«Изъ каждой той слезы, изъ той улыб-
ки ясной,
«Что силой слова вызвать можешь ты,—
«Твоя награда, твой вѣнецъ прекрас-
ный,
«Твои небесные цвѣты».

Т. Щепкина-Куперникъ.

ИЗЪ ЖЕНСКИХЪ ПИСЕМЪ.

I.

„Въ лиловомъ сумракѣ вагона“.

— Мнѣ позабыть тебя? Нѣтъ, никогда!
Ты слышишь?
— Да можно позабыть скорѣй
То сердце, что стучитъ въ груди твоей,
И воздухъ тотъ, которымъ дышишь.
Ну, да! Старалась я, за дѣломъ и въ толпѣ,
Гнать прочь мечту мою. Но вотъ опять, случайно,

Въ лиловомъ сумракѣ заснувшаго купэ,
Осталась я одна; и вкрадчиво, и тайно
Прекрасный образъ твой, какъ нѣжный,
вѣрный духъ,
Пришелъ и сталъ сюда такъ близко
къ изголовью,
Что имя милое шепчу я чуть не въ
вслухъ,
Съ мучительной тоской, съ мучитель-
ной любовью.
Подъ мѣрный шумъ колесъ пустая
болтовня
Моихъ сосѣдокъ по вагону,
Какъ будто бы по телефону
Заглушена, доходитъ до меня.
...«Любовь... Зубная боль... Прислуга...
Мода .. Дѣти»...

Не слыша, слушаю слова чужія эти;
Мнѣ больно!.. Нѣту слезъ у воспаленныхъ глазъ,
Но плакать я, рыдать хотѣла бы сейчасъ!
Воспоминанія толпятся вереницей,
Расплавленнымъ свинцомъ они мнѣ сердце жгутъ.
Картины прошлаго, страница за страницей,
Подъ ровный шумъ колесъ передо мной встаютъ.

На станціи глухой, волнуясь и блѣднѣя,
Дрожа, какъ дѣвочка, тебя ждала я, другъ.

Осенней свѣжестью дышало все во-
кругъ.
Блестѣла золотомъ кленовая аллея;
Въ саду еще цвѣли послѣдніе кусты
Пунцовыхъ георгинъ; поспѣвшая ря-
бина
Краснѣла гроздьями; бѣлѣясь, пау-
тина
Летала въ воздухѣ, а желтые листы,
На землю падая, кружились съ лег-
кимъ шумомъ.
Прислушивалась я къ своимъ мятеж-
нымъ думамъ...
Ко мнѣ монахиня со сборомъ подо-
шла.
Она въ моихъ глазахъ навѣрное прочла
Своимъ пытливымъ, умнымъ взглядомъ

Тоску и страсть тревожную мою.
Со мною опустившись рядомъ
На деревянную скамью,
Она сказала мнѣ: — «Вотъ... вы бы къ
нам, въ обитель,
Такъ, просто погостить... А тамъ, пошлетъ Спаситель,
Совсѣмъ остались бы у насъ...
Великъ въ мiру соблазнъ, а горя-то
какъ много!»
Я только голову склонила... Я отъ
Бога
И отъ молитвъ была далеко въ этотъ
часъ!..
— Два красныхъ фонаря блеснули въ
отдаленьи.
Прижала руки я къ груди...

Въ глазахъ монахини мелькнуло со-
 жалѣнье.
Мнѣ было все равно... Тамъ, близко,
 впереди
Ждала я счастія съ дымкомъ локо-
 мотива...
О Боже, Боже мой! Какъ все я по-
 мню живо:
Улыбку милую твою, твой гордый
 ротъ,
Блестящіе глаза и шопотъ твой тре-
 вожный:
— «За нами здѣсь слѣдятъ... Будь
 очень осторожной!»
Звонокъ, потомъ свистокъ, еще сви-
 стокъ — и вотъ
Мы вмѣстѣ!... Мы съ тобой!...

— Ты помнишь тѣ мгновенья?
Ты помнишь, какъ, полны блаженнаго волненья,
Другъ-друга за руки держали мы съ тобой?...
А первый поцѣлуй сквозь легкій тюль вуали?
А взгляды страшные, что грозно намъ кидали
Двѣ дамы старыя,—ты помнишь? Боже мой!..—
Какъ мы прозвали ихъ, два старые дракона
Потомъ уснули сладкимъ сномъ.
А мы не спали... Нѣтъ!... Въ молчаніи ночномъ,
Въ лиловомъ сумракѣ вагона

Я голову къ тебѣ склонила на плечо,
Тебѣ слова любви шептала безъ завѣта,
Твоимъ рѣчамъ внимала горячо...
— Мы были счастливы... Мы платимся за это!..
Такъ ночь прошла, какъ сонъ. На утро мы вдвоемъ
Съ тобою въ городѣ затеряны чужомъ:
Ни любопытныхъ лицъ! Ни клевсты досужной!..
Ты!.. *ты* и я!.. Стоимъ у нашего окна
И мягкой осенью любуемся мы южной.
Какъ синевы небесъ прозрачна глубина!..
Какъ пестрая толпа внизу оживлена!

Ей дѣла нѣтъ до насъ и до того, что
съ нами
Здѣсь счастье спряталось за этими стѣ-
нами!..
— Какъ будто вырвавшись на волю
изъ тюрьмы,
Какъ дѣти счастливы, смѣемся, шу-
тимъ мы.
Насъ забавляетъ все: и номеръ нашъ
уютный,
И взгляды горничной, и стукъ еже-
минутный,
Невольно насъ пугающій слегка
Во время нашего обѣда.
А тамъ... тамъ долгая, душевная бе-
сѣда.
Въ твоей рукѣ лежитъ моя рука...

Смеркается. Огни ужъ въ окнахъ замелькали.
Все рѣже стукъ колесъ; шумъ городской утихъ...
Откуда-то летитъ пѣвучій звукъ рояли...
Ты съ ласкою волосъ касаешься моихъ,
Цѣлуешь мнѣ глаза...—Чуть слышно ночь подходитъ,
Истому сладкую, лукавую наводитъ.
Не зажигаемъ мы ненужнаго огня!
Молчу, но и безъ словъ ты слушаешь меня.
Мы околдованы, внимаемъ старой сказкѣ...
Какъ звѣзды въ темнотѣ, блестятъ глаза твои,

И тихо поддаюсь я въ дивномъ забытьи
Твоей туманящей и молчаливой ласкѣ...
— И чудный сонъ прошелъ... Три дня!.. Всего три дня!..
Когда онъ наступилъ, тяжелый часъ разлуки,
Я думала, что грудь не выдержитъ отъ муки...
Но плакать не могла я, счастье хороня.
— Долгъ! Честь! Обязанность!..—О, фразы, фразы, фразы!..
Я не избѣгнула губительной заразы
Пустыхъ и жалкихъ словъ, что съ дѣтства наизусть
Велятъ намъ затвердить ханжи и лицемѣры.

Долгъ? Честь? Обязанность?.. Безуміе!
Химеры!..
Нарушила я долгъ, что мнѣ за дѣло?
Пусть!
Мой долгъ—любить тебя, честь—на
тебя молиться;
Обязанность—душой съ твоей душою
слиться,
Ловить твой каждый взглядъ, повсюду
за тобой
Покорно слѣдовать счастливою рабой!..
— Зачѣмъ же смѣлости тогда мнѣ
не хватило?
Зачѣмъ на твой нѣмой, но понятый
вопросъ
Я только полные невыплаканныхъ слезъ
Глаза тоскливо опустила?

И вотъ разстались мы. Ты—на родной
твой югъ,
Гдѣ ждалъ тебя твой трудъ и слава
и искусство;
Я, я—домой, на сѣверъ, о мой другъ,
Учиться покорять разсудку, волѣ—
чувство.
Но только поѣздъ твой совсѣмъ ис-
чезъ вдали,
Мнѣ слезы страстныя всю душу обо-
жгли.
На бархатный диванъ упала я, рыдая...
«Вернись! Вернись ко мнѣ! Тебѣ я
все отдамъ,
Жизнь, волю!..» Поздно ужъ. Увы!..
Моимъ слезамъ
Отвѣта не было!

— Я помню, какъ тогда я
Схватила съ нервною поспѣшностью
перо:
Слова: «Jo t'ameró... Sempre t'adoreró!..»
Я телеграммою послала за́ тобою...
О, буквы мертвыя!.. Вѣдь ими не от-
крою,
Не выскажу всего!..
— Три дня!.. всего три дня.
Простишь-ли ты, скажи, простишь-ли
ты меня,
Что послѣ этихъ дней разсталась я съ
тобою?
Что счастіе тебѣ такъ полно я дала,
И отъ тебя взяла съ такою полнотою,—
И такъ безжалостно, такъ больно пре-
рвала?

— Такое счастіе пройти не можетъ
даромъ!
Теперь все кажется ненужнымъ, скучнымъ, старымъ...
Такъ послѣ пламенной Италіи чудесъ
На сѣверѣ родномъ намъ блѣденъ
сводъ небесъ.
А для меня теперь, другъ милый, поблѣднѣли
И звуки Вагнера, и краски Ботичелли;
Надъ мрачнымъ Байрономъ ужъ не
мечтаю я,
И полка съ книгами запылена моя.
Въ умѣ одна лишь мысль, въ душѣ
одно желанье,
Одна, одна любовь—но даже права
нѣтъ

Открыть кому-нибудь завѣтное мечтанье,
Цѣлуя, сохранять твой дорогой портретъ!..
Всегда молчаніе, молчаніе—и тайна...
Бояться за себя, за взглядъ, за краску щекъ,
Бояться имя вдругъ во снѣ назвать случайно,
Дрожать за брошенный нечаянно намекъ...
Жить съ постоянною, гнетущею боязнью
Не за себя, о нѣтъ! но за другихъ, повѣрь.
А, нѣтъ! Молчаніе мнѣ было худшей казнью,

И способъ я нашла заговорить теперь:
Мое рѣшеніе всѣ муки успокоитъ,
Да... Монастырь меня въ своихъ стѣнахъ укроетъ.
— Твоей любви тогда я не взяла,
Подумай, жизнь разбить боялась я чужую.
Но эта жертва слишкомъ тяжела:
Я умираю!.. Я тоскую!..
Моя монахиня была тогда права,
Теперь пророчески сбылись ея слова:
Да, вотъ онъ, вотъ исходъ послѣдній, неизмѣнный!
Я буду счастлива въ обители священной;

Молиться за тебя не запретитъ никто,
Молитва за другихъ не можетъ быть преступна?
Такъ имя милое, съ молитвою слито,
Теперь становится устамъ моимъ доступно!..
Но прежде чѣмъ уйду — послѣдняя мольба:
Дай мнѣ еще тебя увидѣть на прощанье!..
Сказать, что я люблю, что я твоя раба,
Что съ твердостью свое исполню обѣщанье!..
О! если не простишь,—вѣрь, я не упрекну.

Виновна только я, и мнѣ нести вину.
Но, можетъ быть, найдетъ мой другъ
великодушный
Въ душѣ, недавнему волненію по-
слушной,
Довольно силъ простить?.. Въ послѣд-
ній разъ склонюсь,
Съ благоговѣйнымъ обожаньемъ
Съ умершимъ счастіемъ моимъ навѣкъ
прощусь,
Упьюсь я счастія безумнаго стра-
даньемъ...
А!.. Дай мнѣ этотъ сонъ увидѣть на
яву
Передъ послѣднею, тяжелой, вѣчной
драмой!..»

———

Отвѣтъ—всего шесть словъ, но сроч-
ной телеграммой:
*«О, милая, люблю, прощаю и—
зову!..»*

II.

„А я мечтала"...

А я мечтала...

Ясны небеса.

Вдали едва синѣетъ полоса,

То—очертанья сказочной Капрси.

Надъ моремъ—вилла. Стройной галлереи

Сквозныхъ колоннъ бѣлѣетъ гордый рядъ

Надъ зеркаломъ лазурнаго залива,

Внизу шумитъ и шепчетъ старый садъ,

Трепещетъ въ немъ священная олива.

Вотъ мирты, вотъ побѣгъ кудрявыхъ
лозъ,
Вотъ золотомъ сверкаетъ померанецъ,
А вотъ и кустъ твоихъ любимыхъ
розъ, —
Какъ чудно-чистъ и нѣженъ ихъ ру-
мянецъ!
Ихъ ароматомъ воздухъ напоенъ,
Съ нимъ смѣшанъ запахъ тмина и
гвоздики,
Вездѣ, вездѣ играютъ солнца блики,
На зелени, на мраморѣ колоннъ,
И свѣтъ, и тѣнь въ причудливыя пятна,
Скользя, ложатся на пескѣ аллей.
О, какъ весна свѣжа и ароматна,
Но ты—весны и солнца мнѣ милѣй!
У пьедестала мраморной богини

Съ тобою мы усѣлись на скамью.
Тебѣ читаю тихо я свою
Поэму о Франческѣ ди-Римини.
Ты молча внемлешь музыкѣ стиха...
Гармоніей таинственною полны,
Текутъ октавы мѣрныя, какъ волны...
И сладкая печаль твоя тиха.
Тебѣ не жаль ни родины далекой,
Ни прежнихъ думъ царицы свѣтлоокой,
Все прошлое—забыто, отошло.
Мы оба полны дивнаго сознанья,
Что близки мы,—и жить намъ такъ
свѣтло.
О, счастье добровольнаго изгнанья!
Какъ хорошо! Со мною вмѣстѣ ты,
Нашъ лучшій другъ—волшебница-при-
рода,

Скульптура, пѣнье, музыка, цвѣты
И полная, великая свобода!..
Не все-ль равно, что мы теперь живемъ
Вдали отъ всѣхъ, вдали родного края?
Мы молоды, мы любимъ, мы вдвоемъ,
Иного намъ теперь не надо рая!..

***

Спустилась ночь. Какая тишина!
Чуть слышно плещетъ сонная волна;
Окутаны въ лиловые туманы,
Давно ужъ спятъ громады темныхъ скалъ,
И полумѣсяцъ, узкій серпъ Діаны,
На темносинемъ небѣ ярко всталъ.
Какая ночь! Насъ такъ и тянетъ въ море.
Спускаемся по ступенямъ крутымъ,

И скоро ужъ въ серебряномъ просторѣ
Съ тобою въ легкомъ челнокѣ скользимъ.
Нашъ лодочникъ мурлычитъ канцонету,
Огни Кіайи блещутъ впереди,
И, съ ласкою прильнувъ къ твоей груди,
Я страстно ночь благословляю эту,
И съ вѣтеркомъ морскимъ въ себя вдохнуть
Мнѣ хочется всю нѣгу ночи южной.
На бархатѣ лазури млечный путь
Бѣлѣетъ яркой полосой жемчужной..
О, сколько звѣздъ! Въ далекой глубинѣ
Какъ много звѣздъ на темномъ небѣ этомъ,
Но двѣ звѣзды блестятъ всѣхъ ярче мнѣ

И сердце жгутъ своимъ волшебнымъ
свѣтомъ.
Тѣ двѣ звѣзды, о, другъ любимый
мой,
Твои глаза, что полны страстной ласки.
Гляжу я въ нихъ, и отливаютъ краски
Отъ щекъ моихъ, и я шепчу: домой!..
Домой!.. Какое дорогое слово!..
Къ себѣ, съ тобою!.. Дома все готово:
Насъ ужинъ ждетъ и русскій самоваръ,
На воздухѣ струится легкій паръ,
Летятъ на лампу бабочки ночныя...
Вотъ письма... взглядъ на штемпель...
Да, Россія! .
Я замолкаю... взглядомъ за тобой
Слѣжу съ нѣмой, ревнивою мольбой,
Боясь подслушать вздохъ твоей печали,

Боясь, чтобъ оба мы не замолчали,
Полны жестокой... тягостной тоски...
Но этотъ взглядъ мучительный подмѣтивъ,
Безъ словъ понявъ и мнѣ безъ словъ отвѣтивъ,—
Прочь страшные душѣ моей листки,
Не дочитавъ, мой другъ великодушный,
Бросаешь ты съ улыбкой равнодушной,
И снова, снова мы съ тобой близки!..

. . . .

Вотъ соловей защелкалъ въ темной чащѣ
Лимонной рощи, и все чаще, чаще
За трелью трель легко несется къ намъ:
Онъ въ садъ зоветъ, онъ насъ зоветъ къ цвѣтамъ.
Еще мы долго бродимъ по аллеямъ,

И вся природа шепчетъ намъ: «живи,
Живи, люби!..» И оба мы блѣднѣемъ
Отъ счастія, отъ страсти, отъ любви!..

. . . .

Къ намъ въ окна льется съ вѣтеркомъ
изъ сада
Все тотъ же запахъ тмина и гвоздикъ.
Мерцая свѣтомъ голубымъ, лампада
Мадонны кроткій озаряетъ ликъ.
Покоемъ все, все счастіемъ здѣсь дышитъ,
Здѣсь ужъ никто, никто насъ не услышитъ,
Никто, никто здѣсь не увидитъ насъ,
Здѣсь я могу, тебя цѣлуя жадно,
Шептать тебѣ, какъ дивно, какъ отрадно

Съ тобою быть въ блаженный этотъ
часъ...
Въ твоихъ глазахъ мерцаютъ счастья
слезы,
И въ поцѣлуѣ замолкаемъ мы;
А подъ окномъ, среди душистой тьмы,
Сильнѣй, сильнѣй благоухаютъ розы...
И съ устъ моихъ восторга рвется
стонъ...

Но я одна... и это только сонъ. .

III.

„Semper Excelsior“.

Твой благородный умъ мнѣ силы придастъ,
Какъ смѣлаго орла, высокъ его полетъ.—
Ты ласково ведешь своей рукою нѣжной
Мой боязливый духъ въ міръ истины безбрежной;
Я часто здѣсь, смотря на высь лиловыхъ горъ,
Твержу твои слова: «Semper Excelsior!»

И постигаю я, что надѣлилъ недаромъ
Великій Прометей, какъ самымъ выс-
шимъ даромъ,
Цѣною смерти, насъ божественнымъ
огнемъ.
Ищу я знанія, и вижу съ каждымъ
днемъ
Страницы новыя. То дивный міръ
античный
Встаетъ передо мной и слухъ мой
непривычный
Ласкаетъ мощною гармоніей своей
Языкъ Овидія и пламенныхъ страстей,
Языкъ Виргилія и сладостной эклоги,
И Рима древняго ко мнѣ нисходятъ
боги.
Но все мѣняется, и, легкій рой тѣней,

Витаютъ предо мной поэмы прежнихъ
дней:
Тристанъ... Роландъ... Мерлинъ...
Изольда... Брадаманта;
И Философія—возлюбленная Данта;
Съ ней Беатриче онъ позабывалъ порой,
Отдавшись весь во власть любви своей
второй.
Ты многихъ увлекла, волшебница Идея!
Къ тебѣ священною любовью пламенѣя,
Тобою овладѣть старался человѣкъ.
Летѣли дни, года, летѣлъ за вѣкомъ
вѣкъ;
Мечомъ ли генія, иль стрѣлами та-
ланта,—
И пылкость Гегеля, и ясный разумъ
Канта,

И тысячи другихъ, тебя одну любя,
Сражались за тебя и гибли за тебя.
Но если можешь ты царицей *полновластной*
Быть въ сердцѣ юноши, который съ вѣрой страстной
Отдастъ и молодость, и жизнь тебѣ свою,—
О, сердца женщины стремленій не таю:
Ее къ себѣ зоветъ еще одна богиня,
И безъ нея ей міръ — печальная пустыня.
Какъ солнце—небесамъ, какъ ландышу—весна,
Какъ поцѣлуй—устамъ, такъ ей Любовь нужна.

И лишь озарена ся небесным свѣ-
томъ—
Она становится мыслителемъ, поэтомъ;
Тогда ся душа какъ арфа зазвучитъ;
Любовь—вотъ мечъ ся, вотъ свѣто-
зарный щитъ!
Храни-жъ мою любовь, какъ драго-
цѣнный камень,
Поддерживай во мнѣ ся священный
пламень,
И гордостью пускай блеститъ твой ми-
лый взоръ,
Когда я повторяю «Sempre Excelsior».

Лозанна.

IV.

Въ тихій часъ.

...Да, здѣсь, на берегу скалистомъ
оксана,
Все забывается въ цѣлительной глуши.
Какого страннаго спокойствія Нирвана
Для утомившейся, измученной души!
Зеленый океанъ кой-гдѣ сверкаетъ
сталью;
О, какъ въ немъ тонетъ взглядъ, за-
вороженный далью!
Душа торжественно внимаетъ шуму
волнъ,—

И онъ понятенъ ей,—значеньемъ стран-
нымъ полнъ.
Кто не слыхалъ его,—могучій шумъ
природы?
Въ немъ дикой страсти пѣснь, въ немъ
дивный гимнъ свободы,
Въ немъ лепетъ ласковый любовныхъ
первыхъ словъ
И вѣчной жизни шумъ, таинственный,
безбрежный,—
Просторъ небытія и смерти неизбѣж-
ной
Неумолимый зовъ.

*
* *

Бушуютъ ли въ душѣ страстей и слезъ
порывы,

Полна ли нѣжностью священною она—
Отвѣтятъ ей на все приливы и отливы,
Прибой и тишина.
Туда! Скорѣй туда, къ высокому утесу!
Оттуда милая картина мнѣ видна:
Какъ гнѣзда ласточекъ, далеко по откосу
Домишки лѣпятся, лачужки рыбаковъ;
Тамъ, выше, городокъ, съ красивой пестротою
Своихъ изящныхъ виллъ, и съ зеленью густою
Садовъ и яркихъ цвѣтниковъ.
Вотъ церковь старая; на фонѣ синемъ неба
Рисуется такъ ясно тонкій шпицъ.

Тамъ вѣтеръ вдаль летитъ по спѣлымъ
нивамъ хлѣба
И золотистые колосья клонитъ ницъ.

*
* *

Весь старый городокъ цвѣтами залитъ
словно;
Все розы, розы все! Какъ въ сказкѣ!
Вотъ любовно
Гирляндой розовой весь обняли кар-
низъ;
А эти свѣсились красивой вѣтвью
внизъ;
Однѣ стараются на улицу изъ сада
Лукаво заглянуть, но пышные кусты
Ревниво стережетъ желѣзная ограда.
Все розы, розы все! Румяные цвѣты

Взбираются на верхъ по стѣнамъ запыленнымъ,
Льнутъ вкрадчиво къ камнямъ, какъ свѣжія уста,
Сжимаютъ цѣпко ихъ объятіемъ влюбленнымъ.
Какія краски здѣсь, какая красота!
Вотъ темно-красныя и съ бархатнымъ отливомъ,
Вотъ ярко-желтыя среди густой листвы,
Вотъ блѣдно-алыя,—но всѣхъ прекраснѣй вы,
Вы, розы чайныя! Въ спокойствіи стыдливомъ
Румянцемъ дѣвственнымъ такъ тонко залиты,

Какъ первый поцѣлуй и нѣжны, и
чисты!
Роса у васъ блеститъ въ полураскры-
тыхъ чашахъ
Слегка алѣющей душистой глубины,
И темнымъ пурпуромъ изящныхъ ли-
стьевъ вашихъ
Такъ дивно вы оттѣнены!

На старомъ кладбищѣ, среди могилъ
забытыхъ,
И тамъ нашла я розъ цвѣтущій, пыш-
ный кустъ,
Напоминающій объ ароматѣ устъ,
Въ лобзаньи трепетномъ сдва полу-
открытыхъ.

Оно разрушено... У дорогихъ крестовъ
Никто уже склонить колѣно не при-
ходитъ;
Никто не носитъ имъ рыданій и цвѣ-
товъ.
Но, можетъ-быть, въ полночь, когда
луна наводитъ
Лучи невѣрные по сломаннымъ кре-
стамъ,
Молитва тайная идетъ неслышно тамъ,
На сѣромъ камнѣ плитъ луны играютъ
блики,
И тѣни легкія встаютъ со всѣхъ сто-
ронъ,
И колокольчиковъ надгробной павилики
Въ прозрачномъ воздухѣ чуть слы-
шенъ нѣжный звонъ...

Но днемъ оно глядитъ, особенно от-
сюда,
Спокойнымъ цвѣтникомъ изъ розъ и
изумруда...

*
* *

О, какъ здѣсь хорошо! Распутье двухъ
дорогъ,
На перекресткѣ—крестъ, Распятіе; у
ногъ
Божественныхъ Христа—цвѣты, вѣ-
нокъ смиренный.
Кто ихъ принесъ сюда съ мольбою со-
кровенной?
Съ любовью набожной обвившая гра-
нитъ
Гирлянда пышная изъ дикихъ марга-
ритокъ

Своею простотой такъ ясно говоритъ,
Что принесло ее смиренье,—не избытокъ.
Все тихо, все молчитъ; молитвенный покой
Надъ безконечною безбрежностью морской,
Спокойно-мощною въ своемъ величьи гордомъ.
Вотъ звонъ колоколовъ, протяжный и густой,
Раздался въ воздухѣ; какъ мирно въ гимнъ святой
Они сливаются торжественнымъ аккордомъ;
Звучитъ ихъ благовѣстъ въ окрестной тишинѣ.

Ужъ нечувствительно на землю сходятъ тѣни,
И слезы дивныя сжигаютъ сердце мнѣ.
Невольно для мольбы склоняются колѣни,
И съ свѣтлой нѣжностью, прекрасной и большой,
Я за тебя молюсь восторженной душой!..

Veules-les Roses, Normandie.

V.

Раковина.

Мнѣ формою своей понравилась она,
Изящной, чистою—и нѣжнымъ перла-
мутромъ;
Я подняла ее у моря раннимъ утромъ.
То былъ отлива часъ. Шумливая волна,
Вся серебромъ блестя и яркимъ мала-
хитомъ,
Съ собою принеся ее издалека,
Оставила ее на берегу, покрытомъ
По бархату песка

Пучками травъ морскихъ, багряныхъ
и зеленыхъ,
Хранящихъ терпкій вкусъ и запахъ
волнъ соленыхъ.
Толпа дѣтишекъ тамъ возилась и при-
бой
Касался бережно ихъ крѣпкихъ но-
жекъ голыхъ.
Какъ спряталась она отъ глазокъ ихъ
веселыхъ?
Я подняла ее и увезла съ собой.
И много дней прошло. Далеко былъ
за мною
Безбрежный океанъ съ могучей тиши-
ною,
Соленый вѣтерокъ и шопотъ волнъ мор-
скихъ,

То грозенъ, точно гнѣвъ,—то, словно ласка, тихъ...
Жизнь своего ждала; опять, опять вступила
Дѣйствительность въ свои суровыя права;
Надъ дѣломъ, надъ трудомъ вновь напрягалась сила,
И мыслями горѣла голова.
Но какъ-то вечеромъ холоднымъ и печальнымъ,
Зимой, случайно я къ камину подошла;
И раковину тамъ забытую нашла.
Ее взяла я жестомъ машинальнымъ.

Вдругъ странно: что это? Прислушалась я къ ней,
Какъ зачарованная, стоя:
Какой-то тихій шумъ, сильнѣе и сильнѣй,
Какъ нарастающій далекій шумъ прибоя,
Я слышала въ ея пурпурной глубинѣ;
И вотъ, о чемъ она разсказывала мнѣ.

Говорила она о морской глубинѣ,
О морской глубинѣ, гдѣ, далеко на днѣ,
Міръ красотъ есть таинственно чудныхъ;

Сквозь зеленый хрусталь неподвижной воды
Проникают лучи, освѣщая сады
Водорослей и травъ изумрудныхъ.
Всюду стелется тамъ, на пескѣ золотомъ,—
Разстилается пышно узорнымъ ковромъ
Зелень нѣжная лентъ шелковистыхъ
Съ желтымъ кружевомъ травъ золотистыхъ.
Груды жемчуга всюду хранитъ глубина,
Въ сердцѣ раковинъ нѣжныхъ сверкаютъ тона
Драгоцѣнныхъ молочныхъ опаловъ;

И, сплетаяся въ арки, въ сквозные
вѣнцы,
Поднимаются вверхъ горделиво
дворцы
Блѣдно-алыхъ и бѣлыхъ ко-
ралловъ.
Бѣлымъ цвѣтомъ цвѣтутъ въ изумруд-
ной водѣ,
Какъ букеты, «цвѣты новобрач-
ной»,
Въ нихъ запутались звѣзды морскія
кой-гдѣ,
И загадочный сумракъ царитъ тамъ
вездѣ,
Всюду свѣтъ изумрудно-прозрач-
ный.
Тамъ, покинувъ коралловый садъ,

Свой подводный пріютъ молчаливый,
Разсыпается рой шаловливый
Влажноокихъ и стройныхъ наядъ.
Словно рыбокъ веселая стая,
Онѣ вьются и рѣжутъ струи,
Водоросли со смѣхомъ вплетая
Въ свои косы, въ зеленыя косы свои.
Царь морской тамъ склонился, рыдая
Надъ погибшею дѣвой земной.
Точно мраморъ прекрасна она, молодая,
Дивно-нѣжная, съ длинной косой.

Посылаетъ онъ рыбокъ своихъ
шаловливыхъ,
Чтобъ спросили скорѣе у чаекъ
болтливыхъ,
Какъ согрѣть эту юную грудь,
Чѣмъ прекрасную къ жизни
вернуть?

* *
*

Напомнивъ океанъ съ загадочною далью,
Вотъ чѣмъ утѣшила тогда она
меня,
Когда стояла я одна съ своей
печалью
У погасавшаго огня.
И сердце ожило въ груди моей не-
вольно.

О, нѣтъ! Я не одна, и больше
мнѣ не больно.
О, мой любимый другъ, пускай я не
съ тобой,
Пусть мы разлучены безжалостной судьбой;
Какъ этой маленькой скорлупкой,
Почти прозрачною и хрупкой,
Чудесно такъ сохранены
И вѣтра вздохъ, и шумъ волны,—
Такъ въ глубинѣ души далекой, заповѣдной
Я вѣчно сохраню, о, другъ мой, милый, бѣдный,
Всю ту поэзію, что внесена была
Тобою въ жизнь мою, что, пламенно
свѣтла,

Мнѣ озарила умъ и сердце, и со-
знанье,
Что мнѣ дала любовь и счастье, и
страданье.
И я когда-нибудь, съ восторгомъ преж-
нихъ дней,
Въ разсказѣ пламенномъ открою,
Какъ я любила и жила тобою,
О, родина души моей!
И этимъ чье-нибудь я успокою горе,
И, можетъ-быть, займу извѣрив-
шійся умъ,
Какъ раковины той необъяснимый
шумъ,
Что мнѣ напомнила про дорогое
море,

Про солнце яркое, про воздухъ голубой—
Холодной, скучною, печальною зимой.

VI.

Подъ новый годъ.

Ужъ старый годъ готовъ покинуть землю,
Подъ звонъ бокаловъ, подъ веселый шумъ,
Но я веселью съ тайной грустью внемлю,
Полна неясныхъ и печальныхъ думъ.
Забыли всѣ и горе, и заботы,
Минувшій годъ такъ шумно хороня;
Торопятся покончить съ нимъ разсчеты,
Чего-то ждутъ отъ завтрашняго дня...

* * *

Ужель въ людскихъ сердцахъ неблагодарныхъ
О старомъ годѣ сожалѣнья нѣтъ?
Ужель надеждъ блестящихъ и коварныхъ
Такъ ослѣпляетъ ихъ минутный свѣтъ?
Забывъ, что счастье на землѣ съ страданьемъ,
Съ отравой слезъ, съ раскаяньемъ слито,
Они еще трепещутъ ожиданьемъ,
Надѣются, безумные!.. На что?

Весь столъ въ цвѣтахъ, прелестны въ бѣломъ дамы,
Блеститъ въ бокалахъ золотая пыль.

Всѣ ждутъ, что вдругъ конецъ житейской драмы
Измѣнится въ веселый водевиль.
Но въ заблужденьи вѣчномъ, хоть и пошломъ,
Я принимать участье не хочу:
Закрывъ глаза, я думаю о прошломъ,
И къ прошлому душою я лечу.

***

Вѣдь все-таки прекрасныя мгновенья
Нашъ старый годъ намъ приносилъ не разъ:
И слезы счастья, и восторгъ забвенья,
И творчества высокаго экстазъ!
А въ будущемъ?.. Блаженство иль страданья?..

Мы высшей силы вѣчные рабы,
И тяжкою завѣсою незнанья
Отъ насъ закрыто зеркало судьбы.
Вся наша жизнь—наскучившая сказка
Съ пугающимъ загадочнымъ концомъ;
И что насъ ждетъ, когда придетъ развязка,
Свѣтъ или тьма?.. Кто скажетъ намъ о томъ?..

31 декабря.

VII.

На станціи.

Съ какимъ страданіемъ гляжу я въ
этотъ разъ
На нашу станцію... И катятся изъ глазъ
Невольно крупныя, непрошенныя
слезы.
Все здѣсь по-прежнему, все... съ зо-
лотой березы
Съ неяснымъ шелестомъ спадаетъ жел-
тый листъ,
Синѣютъ небеса, осенній воздухъ
чистъ,
И астры позднія, такъ пышно доцвѣтая,

Покрыли весь цвѣтникъ, какъ сѣтка
золотая;
Того же нищаго засохшія уста
О хлѣбѣ молятъ именемъ Христа,
И та же дѣвочка съ глазами голубыми
Смѣется мнѣ въ окно, безпечно
весела...
Она за этотъ годъ почти не под-
росла!
За станціей—посадъ, домишки... А за
ними
Далеко тянется полей спокойныхъ ширь
И въ зелени садовъ бѣлѣетъ мо-
настырь.

И вотъ иллюзіи таинственная сила
Меня блаженною отрадой охватила,

На мигъ забылась я! Почудилось мнѣ
вдругъ,
Что этотъ годъ—былъ сномъ мучи-
тельнымъ и смутнымъ,
Кошмаромъ тягостнымъ, но, къ счастію,
минутнымъ,
И что проснулась я — и вновь съ то-
бою, другъ!..
Въ вагонѣ рядомъ ты, у встрѣченныхъ
случайно
Твоихъ друзей, и я поэтому одна
Стою, задумавшись, у своего окна,
И съ тихой радостью я улыбаюсь тайно
И съ дѣтской шалостью я на стекло
дышу.
И на явившемся туманѣ,
Подобно Пушкинской Татьянѣ,

Я буквы милыя пишу.
Твоё присутствіе я чувствую всецѣло!
Оно всю душу мнѣ отрадою со-
грѣло.
И я невольно въ слухъ про-
изношу:
—«Ты здѣсь»!..
Шаги — ты здѣсь. Въ вол-
неніи глубокомъ
Я голову кладу къ тебѣ на грудь,
И мы молчимъ, чтобъ счастья не спу-
гнуть,
Пронизаны какимъ-то жгучимъ токомъ.
Но, сжавъ меня сильнѣй, средь синей
полутьмы,
Ты тихо шепчешь мнѣ: «Когда-жъ
пріѣдемъ мы?..

Одна твоя незначущая фраза,—
И я уже полна безумнаго экстаза,
Я замираю вся въ объятіи твоемъ
И ты со мной горишь однимъ огнемъ.
Я поддаюсь очарованья власти,
Въ твоихъ глазахъ читая рѣчи страсти.
Какъ ярко въ сумракѣ глаза твои горятъ
И, опаленныя, пересыхаютъ губы...
Я вижу, стиснуты твои невольно зубы—
Прелестныхъ перловъ рядъ,
И ноздри нервныя твои слегка раздуты!..
О, позабуду-ли волненье той минуты?

Мой умъ туманится, блаженная
мечта
Рисуетъ ярко мнѣ картины
упоенья,
И нѣжность ласкъ твоихъ, и
тайный вздохъ смущенья...
И поцѣлуя ждутъ уста,
Ждутъ поцѣлуя пламенно и
жадно...

О пробужденье! Какъ ты безпощадно!..

VIII.

Другу.

Усталымъ путникамъ дарованный судьбою
Часъ отдыха на жизненномъ пути
Оконченъ... Снова въ путь! Прими мое прости!
Кто знаетъ, встрѣтимся-ль еще когда съ тобою?
Мы были счастливы... хоть на недолгій срокъ,
Мы оба поняли, что близки мы другъ-другу.

Такъ путники вдвоемъ пережидаютъ вьюгу,
И каждый чувствуетъ, что онъ не одинокъ.
Теперь въ послѣдній разъ тебѣ отдамъ я мысли,
Съ тобою говорю,—хотя издалека.
Весь день шелъ мелкій дождь, и въ небѣ облака
Свинцовой пеленой нависли.
Но улицы полны прохожихъ, какъ всегда...
Да, если изъ дома толкаетъ ихъ нужда
Въ погоню за кускомъ насущнымъ хлѣба,
То думать ужъ нельзя имъ о капризахъ неба!..

Вотъ дѣти... Блѣдныя! Какъ жалкіе
цвѣты,
Безъ солнца, ихъ взлелѣяла столица;
У взрослыхъ блѣдныя, озлобленныя
лица—
Ни свѣжести, ни яркой красоты,
И все печальнѣй въ эту грязь и сля-
коть.
Подъ рѣзкимъ вѣтромъ морщится
Нева.
Мнѣ тяжело!.. Пылаетъ голова.
И хочется къ тебѣ прижаться и за-
плакать.
Но я одна, и все темно кругомъ,
Въ окно стучатся слезы непогоды...
Недавно, другъ, я посѣтила домъ,
Гдѣ юности моей промчались годы.

Не измѣнилось въ немъ почти-что ничего,
Знакомыя стоятъ все такъ же крѣпко стѣны...
Какъ будто старый домъ не вѣдалъ перемѣны,
И не коснулась жизнь его.
Но гдѣ-же дѣтскій смѣхъ и рѣзвыхъ ножекъ топотъ?
Гдѣ пальма у окна и сѣнь ея листвы,
И въ миломъ уголкѣ влюбленно-тихій шопотъ?..
Мои 16 лѣтъ—гдѣ вы теперь, гдѣ вы?..
Все то, что прежде я любила,
Чѣмъ юная душа была тогда полна,
Все унесла съ собой житейская волна
Иль отняла могила.

Но что-жъ изъ прошлаго теперь, хотя-бъ
ошибкой,
Для настоящаго себѣ я сберегла?
И тѣни дней былыхъ съ насмѣшливой
улыбкой
Киваютъ тихо мнѣ изъ каждаго угла...
Я вижу дѣвочку съ пытливыми гла-
зами;
Она, съ волненьемъ и слезами,
За книжкой притаясь въ безмолвіи
ночномъ,
Пока все въ домѣ спало сладкимъ сномъ,
Читала жадно до разсвѣта.
За книжкою любимаго поэта
Ея душа и крѣпла, и росла,
И пробовать училась два крыла.
Какъ вѣрила тогда она, мечтая,

Что наша жизнь—дорога золотая,
Въ которой только счастье на пути,
Что доброму легко добро найти,
Что правды свѣтъ сіяетъ силой дивной,
Что есть любовь... О, бредъ души наивной!
Какъ раскидала жизнь ея мечты,
Мой добрый другъ, поймешь легко и ты.
Тамъ, гдѣ она искала чистой ласки,
Ей подавали грубой страсти ядъ,
И жизнь—большой и пестрый маскарадъ—
Предъ ней, смѣясь, развертывала маски.

Подъ маскою ума таится пустота,
Порокъ живетъ подъ дѣвственною краской

Стыдливости; за дружескою лаской
Шипитъ и точитъ жало клевета;
Подъ маскою холодности спокойной
Таится страсть и ядомъ сердце жжетъ;
Скрывается подъ маской страсти зной-
ной
Холодный низменный разсчетъ.
Подъ маской честности высокой
Интрига прячется, подъ маскою труда —
Эксплоатація, и тайная вражда
И ненависть—за дружбою глубокой.
Ложь — всюду, а людей преступныя
уста,
Забывъ слова любви, отринувъ правду
Божью,
Осквернены и клеветой, и ложью,
Пятнаютъ имя чистое Христа.

Къ чему же имъ добра, надежды, облегченья
Забытыя, ненужныя слова?
Какъ въ древнемъ Римѣ — хлѣба имъ сперва,
Потомъ, цѣной хоть крови, — развлеченья!
Такъ всѣ живутъ, не вѣря, не любя,
Отдавшись лишь страстямъ своимъ и нуждамъ...
И, съ ужасомъ смотря вокругъ себя,
Она томилась въ этомъ мірѣ чуждомъ,
Какъ жалкій духъ, привязанный къ землѣ,

Какъ Прометей, прикованный къ
скалѣ!
За взглядъ безъ тайной лжи, за
искреннее слово,
Какъ за глотокъ воды въ па-
лящій лѣтній зной,
Она отдать себя была готова.
И ты открылъ мнѣ цѣли бытія.
Ты понялъ, что полна душа моя
печали,
Что боленъ бѣдный умъ, хотя
еще такъ юнъ,
Что нѣтъ въ душѣ моей по-
дѣтски чистыхъ струнъ,
Чтобы тоской и болью не звучали!
Но понялъ ты всю горечь тяж-
кихъ думъ,

И ты мнѣ освѣжилъ измученный
мой умъ,
Ты далъ мнѣ мигъ блаженнаго
забвенья,—
Благодарю за свѣтлыя мгновенья!
Благодарю! могу немногимъ я
Тебѣ за это заплатить—я знаю—
Три слова только: я не забываю...

ОТЗВУКИ.

Русской женщинѣ.

Въ кошмарѣ вѣчномъ увлеченій смутныхъ,
Въ ненужной сердцу суетной борьбѣ,
Среди тревогъ, страстей, блаженствъ минутныхъ,
Сестра моя! Завидую тебѣ.
Да, въ этомъ мірѣ, полномъ наслажденья,
Могла ты быть одною изъ царицъ,
Но ты другія избрала владѣнья...
За то и нѣтъ имъ на землѣ границъ.
Въ глухихъ степяхъ, въ забытыхъ Богомъ селахъ,
Нашла себѣ желанный ты пріютъ.

Тамъ въ прозябаньѣ дней, годинъ тя-
желыхъ
Твои слова—лучъ счастія даютъ.
Вездѣ, гдѣ только въ дверь стучится
холодъ,
Гдѣ преступленья жадно ждетъ нужда,
Гдѣ блѣдныхъ жертвъ подстерегаетъ
голодъ—
Ужъ ты спѣшишь, какъ легкій духъ,
туда.
Ты явишься... Такимъ спокойнымъ
свѣтомъ
Блеститъ твой ясный, ласковый твой
взглядъ.
Что не пугаетъ даже темнымъ цвѣтомъ
Больныхъ дѣтей смиренный твой на-
рядъ.

Приносишь ты тепло успокоенья
И въ жизнь, и въ душу жалкихъ бѣд-
няковъ,
И, слабая, ты облегчаешь звенья
Тяжелаго невѣжества оковъ.
И я, сестра, служу тому же Богу!
Жизнь юную хочу отдать ему;
Пусть образъ твой укажетъ мнѣ до-
рогу,
Развѣявши сомнѣній тайныхъ тьму.
Ты—сильная своею вѣрой чистой—
Меня съ собою властно призови!
Веди меня съ собой на путь тернистый
Къ святымъ чертогамъ правды и любви!..

Новогодняя ночь.

Вижу небо вечернее, синее;
Спятъ деревья въ серебряномъ инеѣ,
Тишина... тишина...
Тихо степь разстилается бѣлая;
Вся замерзшая, обледенѣлая
Деревушка видна
Съ занесенною снѣгомъ дорогою,—
Знать не нуженъ проѣздъ.
Крестъ надъ церковью старой, убогою
Ярко блещетъ въ сіяніи звѣздъ.
Тихо все. Эту ночь новогоднюю
Крѣпкимъ сномъ лишь встрѣчаетъ
народъ;

Все равно для нихъ, властью Господнею,
Старый, новый ли годъ!
Все равно! Та-же страда голодная,
Та-же скорбь и нужда безысходная,
Тотъ же мракъ — и борьба до
могилы...
— Пожеланіе первое—имъ!
Дай имъ, Господи, дѣтямъ своимъ,
Съ новымъ годомъ и новыя силы!
О, взгляни на ихъ жизнь незамѣтную,
Разумъ ихъ Ты лучемъ озари,
Освѣти эту темь непросвѣтную
Свѣтомъ ясной и вѣчной зари!..

Гдѣ красота?

Красота—въ упоительныхъ грезахъ,
Что дарятъ тебѣ ангелы сна;
Красота—въ нераскрывшихся розахъ,
Что приноситъ съ собою весна.
Красота—въ этомъ небѣ далекомъ,
Гдѣ вечернія звѣзды блестятъ;
Красота—въ твоемъ взорѣ глубокомъ,
Гдѣ прекрасныя мысли горятъ.
Красота — въ молчаливомъ лобзаньи,

Что мои зажигаетъ уста...
Въ вѣрѣ, въ правдѣ, въ поэзіи,
въ знаньи—
И въ любви... и въ тебѣ красота!

Будь со мной.

На пути моей жизни мнѣ страшно
одной,
Другъ мой, нѣжный мой другъ,
будь со мной!
Дѣтскій страхъ мою душу терзаетъ
порою,
Но мнѣ легче, когда я съ тобою,
И съ довѣрьемъ прижмусь къ твоей
милой груди.
Ты меня своей твердой рукою веди,
Будь со мною!

Въ мірѣ, полномъ и злобы, и грязи, и
лжи,
Ты меня не оставишь, о другъ мой,
скажи?
Я съ тобой становлюсь и свѣтлѣе,
и чище,
Ты — весь свѣтъ въ моемъ
скромномъ жилищѣ;
Твоя ласка меня согрѣваетъ зи-
мой,
Я—твоя, я прошу тебя съ нѣжной
мольбой:
Будь со мной!..
Здѣсь безъ страха пройду я путь жизни
унылой,
Но и въ смертный мой часъ, я съ
мольбою одной

Все-жъ скажу тебѣ, другъ мой, и
тамъ—за могилой
Будь со мной!..

Милосердіе.

Нѣтъ, милосердіе не въ томъ, чтобъ ради Неба
Подать несчастному скитальцу корку хлѣба,
Иль освѣжить его въ томящій лѣтній зной
Изъ кружки глиняной съ холодною водой,
Или отдать ему ненужную одежду,
Иль ласково шепнуть больному про надежду.
Есть милость высшая, и ею міръ великъ!

Вы знаете ли тѣхъ, чья жизнь—
одинъ лишь холодъ,
Измученной души—по ласкѣ вѣчный
голодъ?
Увы! Имъ не знакомъ любви святой
языкъ,—
Какъ птички, что въ лѣсу застигнуты
грозою,
Они напуганы безжалостной судьбою,
И счастья нѣтъ для нихъ, и солнца
нѣтъ для нихъ!..
Ихъ знаетъ только Богъ... Но Онъ,—
Онъ любитъ ихъ.
И если дали имъ хоть лучъ вы утѣ-
шенья...
Вы много сдѣлали для своего спасенья!

Больное утро.

Какой печальный день! Нависли облака
Тяжелою и сѣрой пеленою;
Дождь моросит... Гнетущая тоска...
И кажется земля усталой и боль-
ною
Не видно солнца! Скрывшись въ не-
бесахъ,
Оно свой путь свершаетъ невидимкой;
Блестящій шаръ въ свинцовыхъ обла-
кахъ
Задернутъ траурною дымкой.
Оно исчезнетъ... въ небѣ не блеснетъ
Заката лучъ прощальною улыбкой...

Какъ будто этотъ день, и солнеч-
ный восходъ—
Все было... только странною
ошибкой.

* *
*

Такъ иногда невидимо пройдетъ
Жизнь сѣраго труда и будничныхъ
заботъ,—
Безъ яркихъ радостей, безъ яркаго
страданья;
Ни громкій смѣхъ, ни страстныя
рыданья
Въ ней пламеннымъ волненьемъ
не мелькнутъ;
Ей не блеснетъ восторгъ любви
минутъ

Хотя на мигъ роскошною улыб-
кой...
И скроется она подъ тяжестью
земли,
Какъ будто эта жизнь, и эта
смерть прошли
Какой-то странною ошибкой.

Ночь.

Темно на улицахъ и рѣдки пѣшеходы,
Унылый шумъ дождя и стоны непогоды,
Деревья вѣтеръ гнетъ, и обнаженныхъ
липъ
Въ покинутомъ саду немолчный слы-
шенъ скрипъ.
Какъ ночь осенняя печальна и сурова!
Какъ жалуется все и плачетъ на землѣ!
Домой! Вонъ огонекъ сіяетъ мнѣ во
мглѣ...
Спаси Господь всѣхъ тѣхъ, кто въ
эту ночь безъ крова!

---

*
* *

Глубоко въ тайникахъ земли,
Не видя дня, не видя свѣта,
Не видя яркой жизни лѣта,
Растеній сѣмена легли.
Работой ихъ корней неслышной
И росъ, и крѣпнулъ стебелекъ,
И наконецъ расцвѣлъ цвѣтокъ,
Блистая красотою пышной.

*
* *

Глубоко въ тайникахъ ума
Легло губительное горе—
И не играла жизнь во взорѣ,
И душу охватила тьма.

Теперь въ нихъ глазу не увидѣть дна ..
Не такъ ли сердцу кажется порою
Ничтожныхъ душъ — бездонной глу-
бина?..

ФАНТАЗІИ.

Августа.

Она проходитъ царственно-горда,
И красота ея неумолима.
Не здѣсь-бы, въ царствѣ сумрака и
льда,—
Цвѣсти-бы ей подъ пылкимъ небомъ
Рима.
Овидій въ ней призналъ-бы, увидавъ,
Оживщій образъ мраморной Августы.
Ея головки—горделивъ поставъ;
Въ очахъ ея—смертельный ядъ Ло-
кусты.
И вотъ, ее мнѣ помогаетъ сонъ
Перенести на мраморныя плиты;

Тамъ капители стройныя колоннъ
Всѣ розами пурпурными увиты.
Полулежитъ, раскинувшись, она
На пышномъ ложѣ изъ кости слоно-
вой;
Отъ пламенныхъ лучей защищена
Завѣсой шелка тонкаго пунцовой.
Контрастомъ съ ней—черна какъ юга
ночь—
Надъ ней рабыня вѣетъ опахаломъ;
Она не можетъ нѣги превозмочь,
И отдыхаетъ въ счастіи усталомъ.
Улыбка тихо бродитъ на устахъ,
Она еще горитъ отъ страстной грезы...
И Пестума классическія розы
У ногъ ея—склоняются во прахъ!..

Звѣзды.

Нашъ жалкій міръ съ тобою мы по-
кинемъ,
Душой уйдемъ, мы улетимъ къ звѣз-
дамъ!
Мирьады звѣздъ на небѣ темно-синемъ
Шлютъ съ высоты привѣтъ лучистый
намъ.
Вотъ странное пятно—Кассіопея,
Вотъ Близнецы, вотъ яркій Оріонъ;
Дрожатъ огни, то искрясь, то блѣд-
нѣя,
Роскошно ими залитъ небосклонъ.

Алмазъ разсыпанъ, брошенъ за алма-
зомъ;
Мои глаза такъ манитъ, тянетъ къ
нимъ;
Объятые божественнымъ экстазомъ
Съ тобой туда мы вмѣстѣ улетимъ!
Твои глаза, твои глаза, другъ милый,
Тамъ засіяютъ, пламенно-горды,
И спроситъ друга ангелъ бѣлокры-
лый:
«Откуда къ намъ двѣ новыя звѣзды?»

Цвѣтокъ мечты.

Ты на одну лишь ночь открылся для меня,
Мой розовый цвѣтокъ, таинственный, прекрасный;
И вотъ, отъ первыхъ звѣздъ до наступленья дня
Твоею красотой владѣла я опасной.
Мнѣ голову кружилъ, пугая и маня,
Твой странный ароматъ, и сильный, и неясный,
Отъ страсти сдержанной блѣднѣе и блѣднѣй
Впивала я восторгъ изъ чашечки твоей

Я знаю, жгли тебя, какъ страсти ду-
новенье,
Касаясь съ жадностью, холодныя уста;
Но я пила въ тебѣ, пила безъ утоленья
Всю муку счастія, весь сладкій ядъ
забвенья,
Какой-то нѣгою волшебной залита.
И вѣнчикъ розовый твоей коронки
пышной
Съ какою ласкою безумной и неслыш-
ной
Какъ цѣловала я въ блаженномъ за-
бытьи...
Но къ утру лепестки закрылися твои!..

Антиной.

Созданье генія, стоитъ передо мной
Онъ — юный полубогъ, прекрасный
Антиной!
Надъ изваяніемъ божественнаго тѣла
Безслѣдно пронеслись, любуясь имъ,
вѣка,—
И даже времени нещадная рука
Безсмертной красоты разрушить не
посмѣла.
Смотрю въ глаза его... Но мраморный
ихъ взоръ
Скрываетъ, вижу я, страданье... иль
укоръ.

И странная встаетъ въ моемъ умѣ загадка:
На мраморныхъ устахъ—къ чему печали складка?
Тоска въ его глазахъ невидящихъ—зачѣмъ?..
Но вѣчной тайны стражъ, холодный мраморъ,—нѣмъ.

***

Мнѣ снился чудный сонъ: цвѣты, цвѣты
цвѣты;
Блестящій пиръ любви, повсюду солнца
блики,
Веселый смѣхъ и шумъ, и радостные
клики,
Аккорды музыки; цвѣты, цвѣты, цвѣты.
Какъ воплощеніе античной красоты,
Я видѣла тебя. Скользили складки
тоги,
И, полны зависти, языческіе боги
Взирали на тебя... На мраморѣ живомъ
Твоихъ прекрасныхъ плечъ я ритмъ
стиховъ считала,

Не внемля ничему, что дѣлалось кру-
гомъ,
Тебѣ стихи любви съ улыбкой я шеп-
тала;
И риѳмы жгли тебя какъ смѣлыя уста.
И были розами чела увиты наши,
И пили мы съ тобой изъ той-же са-
мой чаши...
Стихи, цвѣты—и ты... О, что за кра-
сота!

Смерть.

Я смерти не боюсь. Увѣнчана цвѣтами,
Покину землю я съ улыбкой на
устахъ,
Я близкихъ и друзей найду и
межъ богами...
Къ чему-жъ напрасный страхъ?
Тамъ улыбнется мнѣ таинственно Ки-
прида,
И руку мнѣ подастъ малютка-богъ,
Эротъ;
Самъ въ область мрачную туман-
наго Аида
Меня онъ поведетъ.

Но лиру я возьму—и Церберъ, стражъ ужасный,
Вмигъ укротитъ свой гнѣвъ... а хороводъ тѣней
Замолкнетъ, съ жадностью внимая пѣснѣ страстной
И пламенной моей.
Полету времени задумчиво внимая,
Такъ буду ожидать въ подземной тишинѣ,
Пока, тѣнь милая, тѣнь вѣчно-дорогая,
И ты сойдешь ко мнѣ!..

Изъ тьмы временъ.

Вотъ въ кущѣ розъ вознесся портикъ стройный,
Зеленый плющъ по бѣлымъ ступенямъ
И солнца лучъ на нихъ играетъ знойный...
То храмъ любви, давно забытый храмъ.

Сюда съ моленьемъ, полнымъ страстной вѣры,
Красавицы—вѣка тому назадъ—

Несли къ прекрасной статуѣ Венеры
Вѣнки, цвѣты, куреній ароматъ.

Окутаны воздушною одеждой,
Онѣ лобзали хладный мраморъ плитъ,
Входя во храмъ съ мольбою и надеж-
дой...
И вотъ теперь заброшенъ онъ стоитъ.

Какъ онъ оставленъ! О, какъ онъ по-
кинутъ!
— Ужель такъ все исчезнетъ безъ
слѣда,
И ласки тѣ ужели же остынутъ,
Что ты дарилъ мнѣ?
Другъ, войдемъ туда!

Я кружевомъ смахну налеты пыли,
Своею кровью начертаю тамъ,
Что снова двое любящихъ здѣсь были,
Что вновь внималъ моленьямъ
старый храмъ!

Смерть и Любовь.

С Любовью нѣжной Смерти мрачный
геній,
У грани вѣчности сойдясь однажды,
Заспорили—кто выше, кто сильнѣй;
Кто больше слышит пламенных мо-
леній,
Кто утоленье от духовной жажды,
Кто счастіе землѣ дает полнѣй.
— Мнѣ первенство!—Любовь сказала
гордо:
От королей до нищих, никому
Не избѣжать моей могучей власти.

— Напрасно! — Смерть ей отвѣчала
твердо.
Твои побѣды, горе, счастье, страсти—
Все покорю я, все себѣ возьму!
— Пойдемъ же къ смертнымъ,—ихъ
мы испытаемъ;
Кому царить—отъ нихъ узнаемъ мы.
И вотъ онѣ, простясь съ надзвѣзднымъ
краемъ,
Спустились въ міръ отчаянья и тьмы.
На встрѣчу имъ шелъ, съ лютней за
плечами,
Красавецъ юный съ гордыми очами.
— Мнѣ выбирать! Мой вѣрно будетъ
онъ:
Прекрасенъ, — молодъ, — знаю! Онъ
влюбленъ.

И ласково Любовь его спросила:
— Любовь иль Смерть? Скажи, чья
выше сила?
Но съ горькою улыбкой своей:
— «Конечно, Смерть!..» сказалъ въ
отвѣтъ онъ ей.
И отступила прочь Любовь смущенно,
На Смерть она взглянула огорченно...
И тихо та промолвила:—Повѣрь,
Я побѣдила... Мой чередъ теперь!..
У кладбища, на камняхъ запыленныхъ
Несчастная старуха подаянья
Съ смиренною надеждою ждала.
Въ ея глазахъ голодныхъ, истомлен-
ныхъ
Весь ужасъ безнадежнаго страданья,
Вся повѣсть долгой нищеты жила.

И Смерть ее торжественно спросила:
— Смерть иль Любовь?.. Скажи, чья
выше сила?
Угасшій взоръ старуха подняла,
Онъ вдругъ былымъ засвѣтился вол-
неньемъ,
Быстрѣй по жиламъ полилася кровь—
И съ набожнымъ почти благоговѣньемъ
Несчастная отвѣтила: «Любовь»!..

ЯПОНСКІЯ МИНІАТЮРЫ.

Богиня весны.

Поникли грустно старыя деревья,
Ихъ вѣтви чёрны и обнажены;
Ни зелени! Ни персиковъ душистыхъ!
И такъ они печальны до весны.
Сковалъ морозъ могучіе ихъ корни,
Сорвала вьюга свѣжую листву;
Они стоятъ и ждутъ покорно смерти,
И страшный сонъ ужъ видятъ на яву.
Но вдругъ Бентенъ, младой весны богиня,
Взоръ благосклонный обратила къ нимъ:

«Вы живы! Вы не умерли!..» ска-
зала
И вѣеромъ коснулась ихъ своимъ.
И зеленью деревья вдругъ покрылись,
И распустились клейкіе листы;
Усыпали ихъ ароматнымъ снѣгомъ
Душистые и бѣлые цвѣты.
Имъ улыбнулось золотое солнце—
Порозовѣли лепестки цвѣтовъ.
Деревья жадно сокъ земли впивали
И отдавали завязямъ плодовъ.
Потомъ въ ихъ чащу прилетѣли птицы;
Въ густыхъ вѣтвяхъ защелкалъ соловей;
Влюбленные пришли рука съ рукою
И сѣли въ тѣнь душистую вѣтвей;
Отъ счастія они затрепетали
И, силу жить почувствовавши вновь,

Дождемъ цвѣтовъ осыпали влюбленныхъ,
Благословляя юную любовь!

Моей души коснулся смерти холодъ,
Но ты любовь свою мнѣ отдала,
И сталъ я вновь душою страстной молодъ,
Исчезла прочь тоски гнетущей мгла.
Горячихъ слезъ росою благотворной
Ты снова сердце оживила мнѣ,
Склонясь къ тебѣ главою непокорной,
Я все забылъ—я счастливъ, какъ во снѣ!
Ты вѣеромъ и легкимъ, и волшебнымъ
Навѣяла желанный мнѣ покой,
Горячихъ ласкъ могуществомъ цѣлебнымъ

Ты разлучила разумъ мой съ тоской.
И я расцвѣлъ душою упоенной,
Забылъ про смерть, про гнетъ судьбы
измѣнъ.
Хвала тебѣ, красавицѣ влюбленной,
Хвала тебѣ, соперницѣ Бентенъ!

На крыльяхъ сна.

... Мнѣ снился странный сонъ:
Въ прозрачной полутьмѣ языческаго
храма
Златой алтарь стоялъ, весь въ вóлнахъ
фиміама,
И охранялъ его таинственный драконъ.
Изъ полутемныхъ нишъ лукаво улы-
бался
Причудливыхъ божковъ блестящій,
пестрый рядъ;
Чуть слышно издали звонъ лютни раз-
давался
И карилопсиса струился ароматъ.

Но вмѣсто грознаго, бездушнаго ку-
мира—
Вся въ золотѣ, въ шелкахъ, сверкая
какъ змѣя,
Передъ курильницей изъ яшмы и пор-
фира
На алтарѣ златомъ стояла гордо—я.
А онъ, у ногъ моихъ склонившись на
колѣни,
Съ тоскою пламенной онъ заклиналъ
меня:
—«Сойди, сойди ко мнѣ! На хладныя
ступени
Спустись ты, стройная, браслетами
звеня;
Пускай твой свѣтлый взоръ, исполнен-
ный загадки,

Пошлетъ мнѣ яркій лучъ изъ смѣха
и огня;
Пускай зашелестятъ одежды легкой
складки,
Сойди, сойди ко мнѣ—и полюби меня!
И я схвачу тебя, и унесу далеко,
Далеко, въ кущу розъ, въ плѣнитель-
ную тьму;
Сложу у ногъ твоихъ я всѣ дары Вос-
тока...
Сойди, сойди ко мнѣ!..»
... И я сошла къ нему.

Гонка съ луной.

Пестры, какъ крылья дракона,
Въ рощѣ зажглись фонари...
Чайная роза Нипона,
Мнѣ эту ночь подари!
Вмѣстѣ умчимся мы въ джонкѣ
Вдоль по рѣкѣ голубой,
Въ бѣшеной гонкѣ
Съ желтой луной.
Пѣсни любви напѣвая,
Веслами сильно взмахну...
О, какъ темно! Дорогая,
Мы обогнали луну.

Но не боюсь этой ночи:
Будутъ свѣтить мнѣ во тьмѣ
Звѣздочки-очи
Милой мусме!

— · —

Японская серенада.

Яркоцвѣтный карилопсисъ и душистый
амарилисъ
Тихой ночью, въ чайной рощѣ, слышишь, какъ разговорились!
Ни на мигъ цвѣтовъ лукавыхъ не
смолкаетъ лепетъ звонкій,
А изъ темной чайной рощи ароматъ
несется тонкій.
Пусть разбудитъ этотъ лепетъ мою
крошку, птичку рая,
И склонитъ ее въ объятья молодого
самурая.

Мы пойдемъ съ ней, будемъ слушать,
притаивъ въ груди дыханье
И впивая въ упоеньѣ чайныхъ розъ
благоуханье,
Какъ пурпурный карилопсисъ и ду-
шистый амарилисъ
О моей безумной страсти ночью вдругъ
разговорились! -

АКВАРЕЛИ.

Парижъ.

Парижъ! Парижъ шумѣлъ и жилъ во-
кругъ меня
Подъ мягкимъ свѣтомъ тающаго дня.
Вслѣдъ за уходомъ солнечнаго диска
Все розовато-сѣрые тона
Какъ дымкой обняли. Впередъ, отъ обе-
лиска,
Аллея, зеленью деревъ окаймлена,
Тянулась вдаль, туда, гдѣ тріумфаль-
ной арки
Такъ гордо высился красивый силуэтъ.

Ужъ электричество вездѣ зажгло свой
свѣтъ,
И полосы его ложились ровны, ярки
На золотомъ пескѣ аллей,
А звѣзды бѣлыя хрустальныхъ фонарей
Блестѣли въ бархатѣ небесъ зеленова-
томъ
Контрастомъ страннымъ съ розовымъ
закатомъ.
Вечерній воздухъ напоенъ былъ весь
Неяснымъ, прянымъ ароматомъ:
Своеобразная, чарующая смѣсь!
Въ ней сырость свѣжая лепечущихъ
фонтановъ,
И политой асфальтъ, и ужъ зажжен-
ный газъ,
И бѣлые цвѣты каштановъ

Съ оттѣнкомъ алымъ — ласкою для
глазъ.
Тамъ, впереди, терялся въ синей дали
Булонскій лѣсъ темнѣе и темнѣй,
А въ зелени садовъ таинственно мель-
кали
Цвѣтныя звѣздочки огней.
Кругомъ кипѣлъ Парижъ, шумѣло ожи-
вленье
И всюду чуялось движенье и стремленье,
Крикъ! звонъ! Газетчиковъ охрипшихъ
голоса,
Несущихъ свѣжія вечернія газеты;
Летящіе трамваи и кареты,
Неуловимый блескъ стального колеса,
Отомобиля стукъ, звонокъ велосипеда—
Вѣкъ электричества и разума побѣда!

А надо всѣмъ, откуда-то слетя,
Звенѣлъ истомный вальсъ и, тихо ше-
лестя,
Деревья темныя задумчиво смотрѣли
На блѣдные тона вечерней акварели,
И на душистые кустарники въ цвѣту,
И на тревожную людскую суету,
И на ея ничтожныя приманки!..
Но всюду: въ профилѣ изящной пари-
жанки,
Пронесшейся въ раздушенномъ купэ,
И въ лихорадочно стремящейся толпѣ,
И въ каждой парочкѣ, что пролетитъ
въ коляскѣ,
Обнявшись, замеревъ въ своей небреж-
ной ласкѣ,

И въ роскоши цвѣтовъ, что съ бархата витринъ
Свои коварныя улыбки посылали,
И въ взглядѣ женскихъ глазъ изъ-подъ густой вуали—
Одна виднѣлась цѣль, читался смыслъ одинъ;
А въ каждомъ камнѣ здѣсь, непобѣдимо-пылко,
Казалось, пульсъ стучалъ и билась жизни жилка.
И говорило все: что на одно идутъ
Здѣсь и сокровища, и энергичный трудъ,
И яркая поэзія, и геній;
Что все наполнено здѣсь въ трепетѣ живомъ

Лишь культомъ красоты и страсти торжествомъ,
И беззастѣнчивымъ желаньемъ наслажденій,
Преступныхъ, можетъ быть, запретныхъ—все равно,
Но всюду разлито одно—
Стремленье хоть на мигъ, на часъ, хоть на мгновенье,
Но вырвать у судьбы любовь и... и забвенье!

Въ родныхъ поляхъ.

Просторъ полей родныхъ. Блѣднѣютъ
краски неба,
И тѣни алыя на землю полегли.
Поля — свободны ужъ отъ убраннаго
хлѣба..
Лѣсъ темной полосой синѣется вдали.
Осталась на поляхъ солома золотая,
Густой щетиною торчатъ ея стебли.
По небу тянется птицъ перелетныхъ
стая:
То — дружно поднялись къ отлету
журавли,

На югъ, на дальній югъ свободно улетая.
Безлюдно все кругомъ, куда ни поглядишь:
Давно послѣдняя была полоска сжата,
И всюду—тишина въ часъ розовый заката.
Не та опасная, тревожащая тишь,
Которою полны Италіи заливы,
Когда молчатъ они, лукавы и лѣнивы,
Какъ кошка, что сквозь сонъ подстерегаетъ мышь.
Не та нѣмая тишь, что, сумрачны и горды,
Таятъ Норвегіи таинственные фьорды.
Но та блаженная, святая тишина,

Какой проникнута бываетъ лишь
Россія,
Когда въ заката часъ молчатъ поля
родныя,
И въ отдыхъ сладостный земля погру-
жена.
Ея могучая, загадочная сила
Колосья пышныхъ нивъ взлелѣяла,
взрастила;
Она дала намъ хлѣбъ—и отдыхъ сла-
докъ ей,
До новаго труда, до новыхъ вешнихъ
дней.
И вотъ, теперь она такъ отдалась покою,
Что, глядя на нее, смиряется душа,
И сердце не болитъ, не бьется мысль
съ тоскою,

Благословенною отрадою дыша.
—Приди и отдохни! такъ, материн-
ски-нѣжно,
Какъ будто шепчетъ мнѣ усталая
земля.
И затихаетъ умъ, грудь дышитъ без-
мятежно,
А сердце—кажется свободно и без-
брежно,
Какъ эти мирныя, безбрежныя поля!

Изъ лѣтнихъ писемъ.

1.

...«Пишу изъ нашего пре-
красного далека.
Пера уже давно я въ руки
не брала
Съ тѣхъ поръ, какъ въ эту глушь
меня, по волѣ рока,
Капризная судьба какъ вѣтромъ
занесла.
Я и не думала, что близко отъ
столицы
Еще встрѣчаются такіе уголки:

Глушь!.. Тишина кругомъ! Одни и тѣ
же лица,
А вы всѣ отъ меня такъ страшно да-
лєки!
Здѣсь не встрѣчаетъ глазъ ни улицъ
раскаленныхъ,
Ни шума адскаго и скучной суеты,
Ни чахленькихъ дѣтей, ни скверовъ
запыленныхъ,
Ни газовыхъ рожковъ, ни сонной ду-
хоты.
Заглохшій старый садъ; въ немъ бар-
скій домъ старинный;
Весь какъ-то почернѣлъ, приходитъ
въ ветхость онъ;
Но—зала съ хорами, и на стѣнѣ въ
гостиной

Портреты важные до-Павловскихъ времен.
Чуланы, лѣсенки безъ счета, кладовыя—
(Чего бы въ кладовыхъ вы этихъ ни нашли!
Альбомы бабушекъ,—Жуковскій весь въ пыли,
Цвѣты увядшіе, фарфоры расписные!..).
Терраса прямо въ садъ; здѣсь—миръ и тишина:
Любимый уголокъ помѣщицы - старушки,
Гдѣ цѣлый Божій день съ работою она;
Вотъ кресло старое; слинявшія пастушки

Съ подушекъ вышитыхъ умильно взоры шлютъ.
Старушка—(съ дочерьми: онѣ здѣсь часто шьютъ)...
Предъ ней на столикѣ «божественная книжка»,
У ногъ ея—съ чулкомъ чумазая Аришка.
Сама она въ чепцѣ. Печальный добрый взглядъ...
Глаза, прекрасные когда-то, смотрятъ странно:
Какъ будто въ прошлое далекое глядятъ,
Какъ будто въ будущемъ не все для нихъ туманно!
Здѣсь каждымъ вечеромъ слѣдитъ она за тѣмъ,

Какъ солнечный закатъ горитъ на небѣ
пышно.
Вздохнетъ—и думаетъ, что скоро ужъ
совсѣмъ,
Быть можетъ, суждено угаснуть *ей*
неслышно,
И солнца не видать...
Увы, не дологъ срокъ!..
И грусть и тишина здѣсь въ уголкѣ
таится.
А дальше, на дворѣ—особенный мі-
рокъ:
Тамъ жизнь своя идетъ, кипитъ и
суетится.
То дѣвка пробѣжитъ, то закричитъ
индюкъ;

Въ открытое окно посуды слышенъ стукъ;
Воркуютъ голуби; песъ съ лаемъ съ
цѣпи рвется;
Индюшка съ важностью ведетъ свой
пансіонъ;
Сцѣпился съ курицей щенокъ—и по-
бѣжденъ...
Все это безъ толку мирится и дерется.
Здѣсь что-то дѣлаютъ.
У насъ же цѣлый день
Бездѣйствіе и лѣнь, томительная лѣнь!
Съ утра, съ восьми часовъ, весь день
я не одѣта,
Съ закрученной косой, въ капотѣ, безъ
корсета,
Не въ силахъ ни читать, ни мыслить
отъ жары;

Лежишь не двигаясь, закрывшись ки-
сеею,
Спасаешься отъ мухъ, спасаешься отъ
зною,
Почти съ отчаяньемъ вечерней ждешь
поры.
Купаться ли пойдешь—вода не освѣ-
жаетъ,
И тѣло, какъ огнемъ охвачено, пы-
лаетъ.
Но только жаръ спадетъ—я отгоняю
лѣнь;
Хотя еще сильна невольная истома,
И силъ нѣтъ отойти на полверсты отъ
дома —
Идешь на воздухъ, въ садъ,—и забе-
решься въ тѣнь.

Цвѣты здѣсь славные: заглохшія куртины...
Сирень ужъ отцвѣла, за нею и жасмины.
Настала очередь для розъ — онѣ въ цвѣту.
Я легкій ароматъ вдыхаю въ упоеньи...
Труднѣе отогнать капризную мечту...
Сижу—и слушаю. Услышу-ль въ отдаленьи
Звонъ колокольчика иль ровный стукъ колесъ —
И сердце глупое сильнѣй, сильнѣй забьется.
Все ближе... ближе стукъ... И лаемъ вдругъ зальется,

На встрѣчу кинувшись, дворовый славный песъ.
Тутъ почту принимать иду я торопливо,
И въ связкѣ съ письмами ищу нетерпѣливо
Конвертъ, надписанный знакомою рукой.
Всѣ почтой заняты—нарушенъ нашъ покой!
— Посылка? Отъ кого?—А мнѣ повѣстки нѣту?
— Что значитъ... Неужли вчера онъ не писалъ?..
Но всѣ прочтутъ свое, и письма, и газету,
Старушка пробѣжитъ церковный свой журналъ.

Тутъ за газетами подъѣдутъ два сосѣда:
— Что новаго? Какъ вы?—И потечетъ бесѣда
Про дождь, про урожай, про новаго бычка,
Про свадьбу Настеньки-поповны, про жучка...
Но самоваръ несутъ. Отрадная картина:
Кувшины съ молокомъ, душистая малина,
И деревенскій хлѣбъ,—и чудный аппетитъ!
Тамъ—снова на балконъ. Ужъ небеса темнѣютъ,
И воды озера неясно розовѣютъ,
И тихо къ намъ звѣзда вечерняя глядитъ.

Ты здѣсь, мой кроткій другъ! Ты
здѣсь, со мною рядомъ.
Задумчиво склоненъ изящный профиль
твой,
Ты вдаль уносишься своимъ глубокимъ
взглядомъ,
Куда?.. И слѣдую я мыслью за тобой.
О, часъ волшебныхъ грезъ! Примолкли
всѣ невольно,
Торжественная тишь... и сладко мнѣ,
и больно
И далеко несутъ меня мечты мои.
И внемлю я, полна таинственной пе-
чали,
Какъ съ дивно-грустною мелодіей рояли
Перекликаются изъ сада соловьи!..»

II.

... Вы помните, давно-ль
Брожу я грустная средь комнатъ опу-
стѣлыхъ:
Вотъ брошена на столъ отыгранная
роль,
Вотъ нитка жемчуга... букетъ камелій
бѣлыхъ...
Ужъ сняты со стѣны увядшіе вѣнки,
Свидѣтели еще недавняго успѣха;
Уставленные въ рядъ, открыты сундуки;
Для взора нашего печальная утѣха—
Костюмовъ вороха: всѣ нѣжные цвѣта,
Зеленый газъ, и плюшъ, и бѣлый мѣхъ
пушистый,

И розовый атласъ, и бархатъ серебристый;
Какія краски здѣсь и что за красота!
Но грустно я смотрю на яркіе костюмы,
И ихъ изящный блескъ не радуетъ мой взглядъ;
И горечью полны, и тайной болью думы,
И объ иной странѣ мечты мнѣ говорятъ!..
И вдругъ—я силою невѣдомой, волшебной
Куда-то въ мигъ одинъ была унесена.
Вдыхаю съ жадностью я воздухъ горъ цѣлебный,
Я не въ снѣгахъ уже! Я вижу—здѣсь весна!
Куда-то мчитъ меня! То въ мракѣ исчезаетъ,

То на вершины горъ нашъ паровозъ
летитъ.
Вотъ замокъ... замокъ фей... Алмазомъ
снѣгъ сверкаетъ...
Тутъ волны яркія, какъ жидкій мала-
хитъ!
Вотъ зелень пышная—могучій боръ
сосновый,
Вотъ розовой звѣздой блистаетъ ане-
монъ,
И ароматъ его, живительный и новый,
Мнѣ въ душу пролился!..
О, что за чудный сонъ!
Но нѣтъ, вѣдь я не сплю! Смѣняются
картины,
Одна невиданнѣй, роскошнѣе другой;
Озера... цѣпи горъ... цвѣтущія долины...

Какъ гнѣзда ласточекъ избушки надъ
скалой.
Но... наступила ночь; уборомъ звѣздъ
жемчужнымъ
Покрылись небеса роскошнѣй, чѣмъ у
насъ...
И мы—въ Италіи! И мы подъ небомъ
южнымъ!
Забыть ли эту ночь?.. Забыть ли этотъ
часъ?..
Ѳ, здѣсь я отдохну душою освѣженной,
Дѣйствительностью здѣсь явилась мнѣ
мечта;
Я вижу жизни цѣль иной и просвѣт-
ленной,
Я сердцемъ поняла, что̀ значитъ кра-
сота!..

Искусственный цвѣтокъ.

Забытъ артисткою въ оставленной уборной
Искусственный цвѣтокъ печальной красоты,
Средь блеска мишуры и пестроты узорной,
Средь пудры и румянъ, небрежно брошенъ ты.
Ты все еще хорошъ, но нѣтъ ужъ аромата,
И жизни нѣтъ въ тебѣ, о бѣдный мой цвѣтокъ.

И чашечка твоя роскошная помята—
Весны искусственной, увы, недологъ срокъ.
Но на ея груди, о мой цвѣтокъ, давно ли
Блестѣлъ ты красотой, обманывая взглядъ;
Какъ хороша она была въ любимой роли!
Какъ шелъ къ ней, царственной, какъ шелъ ея нарядъ...
Владычица толпы, въ порывѣ вдохновенья,
Она тебя къ устамъ прекраснымъ поднесла;
О, для нея живой казалась въ тѣ мгновенья,
Живою для нея твоя краса цвѣла.

Но для нея теперь умчалась безъ возврата
Пора минувшая, пора счастливыхъ дней;
И, сломленный цвѣтокъ,—разбита и помята,
И жизни, какъ въ тебѣ, ужъ больше нѣтъ и въ ней!..

Часики.

Часы не идутъ. Механизмъ часовой
Испорченъ; въ нихъ сердце не бьется.
Ужели въ душѣ хоть минутной тоской
Часовъ моихъ смерть отзовется?..
Вы, часики! Грустно смотрю я на васъ
Съ невольной и странной печалью,
И падаютъ тихія слезы изъ глазъ
На крышечку съ синей эмалью.
По этимъ изящнымъ, стариннымъ часамъ
Прабабушки жизнь протекала;
По нимъ, еще дѣвочкой, шла она въ храмъ,

Уроки брала, рисовала.
По нимъ же, закутавшись въ розовый
газъ,
Къ придворнымъ баламъ выѣзжала...
По нимъ... измѣнила ему въ первый
разъ,—
Тоску ожиданья узнала.
По нимъ пролетали волшебные дни,
Минуты любви, наслажденья...
Все рѣже, короче все были онѣ—
И ужасъ пришелъ охлажденья...
По нимъ, ужъ старушкой, въ молельнѣ
она
Тоскливо молитвы шептала,
И въ долгія, страшныя ночи безъ сна
Лѣкарство по нимъ принимала.
Она умерла. Они стали тогда...

Я ихъ получила въ наслѣдство.
По нимъ пролетѣли, умчались года
Далекаго, милаго дѣтства.
По нимъ я безумную юность сожгла,
И жить, и любить научилась...
По нимъ, какъ прабабушка, счастье нашла—
И также его я лишилась!..

—— ——

Кукла.

Не смѣйся надъ прихотью дѣтской,
Не смѣйся надъ куклой моей...
Вѣрь, дружбы ничтожной и свѣтской
Мнѣ куколки дружба милѣй.
Она недоступна злословью,
Она не измучитъ меня
То слишкомъ капризной любовью,
То злобою, полной огня.
Она не предастъ, не обманетъ,
Другихъ не захочетъ друзей,
И тайны не выдастъ моей,
И ложью мнѣ сердца не ранитъ.

А станетъ мнѣ кукла скучна,
И бросить ее мнѣ придется—
Тогда разобьется она,
А съ ней и сердечко ея разобьется!

Котенокъ.

«Забравшись на кресло, прелестный котенокъ,
Зеленые глазки ты щуришь со сна...
Умолкнулъ твой лепетъ, и смѣхъ твой не звонокъ,
И вся ты истомы и нѣги полна.
Закутана ты, словно шкуркой пушистой;
Какой это мѣхъ, свѣтло-сѣрый, душистый?
Зачѣмъ ты такъ странно глядишь на меня,
И взоръ твой смѣется, дразня и маня?

Ты хочешь, чтобъ, болью проникнутый
сладкой,
Поближе у ножекъ твоихъ я присѣлъ,
Чтобъ я цѣловалъ эти ножки украдкой,
Чтобъ бархатной лапкой твоей завла-
дѣлъ...
Ты хочешь, чтобъ, полонъ любовной
отравой,
Къ устамъ твоимъ жадно приникнулъ-
бы я,
Тогда... Но тогда, мой котенокъ лу-
кавый,
Я знаю, ты больно царапнешь меня!»

———

ИЗЪ ПѢСЕНЪ ЛЮБВИ.

Santa Maddalena.

На старомъ холстѣ потемнѣвшей кар-
тины,
Которыми славится царственный Римъ,
Я видѣла обликъ святой Магдалины:
Онъ вѣчно стоитъ передъ взглядомъ
моимъ.
Въ немъ блещетъ Корреджіо творче-
скій геній.
— Кому онъ молился въ часы вдохно-
веній?..
Блаженной мистической тайны полна,
Полна затаенной и пламенной муки,
Скрестивъ на груди своей дивныя руки,

Распятіе страстно сжимаетъ она,
И крестъ ей впивается въ нѣжное тѣло,
И, словно отъ боли, лицо поблѣднѣло.
Но взглядъ увлажненныхъ, сіяющихъ
глазъ
Такой выражаетъ безумный экстазъ!
Ей сладко страданье, и муки ей сладки,
И слезы блаженства застыли въ очахъ,
И мнится—ей видится небо въ лучахъ
Со всей красотой нерѣшенной загадки!

***

Склоняясь во прахъ передъ вѣчной судь-
бой,
Пока только хватитъ дыханья и силы,
Тебя, о мой крестъ, я несу до могилы
Покорной, безмолвной, счастливой ра-
бой.

И пусть ты впиваешься въ сердце мнѣ
больно,
Пусть просятся стоны изъ груди не-
вольно,
Пусть капля за каплей течетъ моя
кровь,
О, крестъ мой, моя дорогая любовь!
Познавши душою восторгъ отреченья,
Я вижу, мнѣ высшее счастье дано;
Мнѣ сладко страданье, мнѣ сладки
мученья,
Когда умереть за тебя суждено!

„Счастье“.

Причудливо смѣшались свѣтъ и тѣни,
Вдали аллея солнцемъ залита.
Ищу я «счастья» въ лепесткахъ сирени,
Привычною мечтою занята.
Узоромъ страннымъ тѣневыя пятна
Мѣняются на золотомъ пескѣ...
Вся бѣлоснѣжна, дивно ароматна,
Сирень дрожитъ въ пылающей рукѣ.
— А «счастья» нѣтъ! Шепчу я без-
надежно:

Ужель найти его не суждено?..
И вдругъ... сирень отброшена небрежно:
Шаги—ты здѣсь... О, счастье! вотъ оно.

Плющъ.

Плющъ полюбилъ цвѣтокъ душистой
розы.
Ее онъ съ нѣжной лаской обвивалъ,
Хранилъ ее, когда шумѣли грозы,
Бутонъ едва раскрытый цѣловалъ.
Она вполнѣ раскрылась пышнымъ цвѣ-
томъ,
Когда вокругъ ужъ все дышало лѣ-
томъ.
Казалось, счастью не было конца...
Но время шло, и вотъ пришли мо-
розы,
И не осталось ни листка у розы

Изъ пышнаго, пурпурнаго вѣнца.
Она погибла... а другой весною
Опять плющу казалась жизнь свѣтла...
Въ объятіяхъ его, блестя красою,
Другая роза расцвѣла!

Повилика.

Въ углу запущеннаго сада
Цвѣтетъ особенный мірокъ,
Живая вьется тамъ ограда
И часто пчелъ гудитъ роёкъ.
Тамъ блѣдно-розовая смолка,
И макъ изъ пурпурнаго шолка,
И голубые васильки,
И кашка съ запахомъ медовымъ
И съ легкимъ отблескомъ лиловымъ
Изящной мальвы лепестки.
На нихъ играютъ солнца блики,
Но всѣхъ милѣй изъ ихъ семьи

Цвѣты миндальной повилики,
Цвѣты любимые твои.
Съ какою нѣжной, цѣпкой лаской
Они вкругъ розы обвились,
Какою розоватой краской
Они отъ счастья залились!..

Розы.

(На старыя риѳмы).

Мнѣ снились роскошныя, красныя розы,
И въ душу ихъ сладкій лился ароматъ...
— То страсти счастливой волшебныя грезы,
Что цвѣтъ свой недолгій такъ пышно дарятъ!

***

Мнѣ снились бездушныя, желтыя розы,
Я въ гнѣвѣ цвѣты ихъ на части рвала...
— То ревности были безумной угрозы,
Что часто намъ душу терзала и жгла!

*
* *

Мнѣ снились печальныя, бѣлыя розы,
И на землю падали ихъ лепестки...
— То были по мертвой любви твоей
слезы,
Безмолвныя слезы надгробной тоски!

Ты.

Ароматнаго лѣта цвѣты,
Сквозь листву звѣздъ ночныхъ тре-
петанье,
Сонныхъ водъ тихій плескъ и шеп-
танье,
Упоительной ночи мечтанье—
Это ты!..
Сладкій ядъ пышноцвѣтной сирени,
Колебаніе свѣта и тѣни,
Нѣга полудня, полная лѣни—
Это ты!..
Все, что яркою прелестью блещетъ,
Все, что дышитъ, живетъ и трепещетъ

Обаяньемъ святой красоты,
Все блаженство печальнаго свѣта,
Чѣмъ душа молодая согрѣта,
Это ты!..

Разсвѣтъ.

Мы досидѣлись въ комнатѣ твоей
До розовой зари, до солнечныхъ лу-
чей.
Благодаря пунцовымъ занавѣскамъ,
Все озарилось вдругъ какимъ-то стран-
нымъ блескомъ.
Какъ отъ магической игры
Мѣнялись краски каждаго предмета...
Гортензій голубыхъ шары
Совсѣмъ лиловыми казались отъ раз-
свѣта.
И твой глубокій взглядъ былъ чуждъ
и страненъ мнѣ,

Какъ будто гдѣ-то въ немъ огонь
горѣлъ на днѣ.
Какимъ безуміемъ меня вдругъ охва-
тило?
Въ твои объятія что бросило меня?
Должно быть, солнце то, что все озо-
лотило
Разсвѣтнымъ заревомъ пурпурнаго
огня,
И въ этомъ отблескѣ, тревожномъ и
багрянымъ,
Зажгло глаза твои плѣнительнымъ об-
маномъ!..

Молитва, мнится мнѣ, твой каждый ароматъ;
Ты обращаться въ прахъ не можешь, умирая!
Но, тѣни бѣлыя—цвѣсти въ селеньяхъ рая,
Къ Владычицѣ небесъ — цвѣты твои летятъ.

———

Лилія.

Нѣтъ... дерзновенною рукою я не
трону,
О лилія, твою чистѣйшую корону!..
Любуюсь я твоей святою бѣлизной,
И нѣжность тихая овладѣваетъ мной.
Мнѣ—твой цвѣтокъ сорвать? Я этого
не стою.
Тебя не обожгутъ горячія уста...
Монахиня цвѣтовъ, ты дивно такъ
чиста
Своею свѣтлою, нездѣшней чистотою!

Молитва, мнится мнѣ, твой каждый
ароматъ;
Ты обращаться въ прахъ не можешь,
умирая!
Но, тѣни бѣлыя—цвѣсти въ селеньяхъ
рая,
Къ Владычицѣ небесъ — цвѣты твои
летятъ.

Сказка.

Дождикъ... Тучи на небѣ нависли
Непроглядной сѣрой пеленой...
Милый другъ, мои печальны мысли,
Милый другъ! Мнѣ холодно одной.
Приходи! Полна истомной ласки,
Я къ тебѣ склонюся на плечо,
И подъ шопотъ старой, чудной сказки
Будетъ намъ мечтаться горячо.
Оба сказкѣ мы съ тобой повѣримъ...
Унесемся въ дивный край мечтой,
Гдѣ стоитъ блестящій солнцевъ теремъ,
И гуляетъ мѣсяцъ золотой.

Тамъ играютъ гусли-самогуды
Пѣсни, слаще пѣсенъ соловья,
На деревьяхъ листья—изумруды,
А людей—всего лишь ты да я!
Тамъ, тебя цѣлуя сладко, жадно,
Я отдамъ тебѣ мою любовь;
Тамъ намъ будетъ, милый, такъ отрадно,
Что сюда—мы не вернемся вновь!

Поцѣлуй.

Дѣйствительность рукой неугомонной
Къ намъ въ двери счастья постуча-
лась вдругъ;
Она спугнула сонъ мечты влюбленной
И прервала нашъ поцѣлуй, мой другъ.
На небесахъ, въ селеньяхъ рая веш-
нихъ,
Надъ звѣздами есть чудные цвѣты;
Межъ тѣхъ цвѣтовъ, прекрасныхъ и
нездѣшнихъ,
Расцвѣлъ цвѣтокъ нежданной красоты.

Весь полонъ нѣги,—прелести стыдли-
вой,—
Онъ затмеваетъ всѣ цвѣты вокругъ;
Цвѣтокъ любви, цвѣтокъ тотъ горде-
ливый—
То поцѣлуй нашъ прерванный, мой
другъ!..

Credo.

Я хочу быть свободной, какъ вѣтеръ
степей,
Какъ волшебная пѣсня поэта,
Вырвать душу свою изъ мертвящихъ
цѣпей,
Изъ оковъ лицемѣрнаго свѣта.

*
* *

Я хочу никогда никого не просить,
Я хочу безграничной свободы—
Я хочу безъ стѣсненья ласкать и лю-
бить
Межъ красотъ вѣчно-юной природы.

*
* *

Я хочу, чтобъ къ тебѣ приводила луна,
Въ часъ скользящихъ и призрачныхъ тѣней,
Лишь меня; чтобы я наполняла одна
Рой весеннихъ твоихъ сновидѣній.

* *
*

Я хочу, о мой другъ, любоваться съ тобой
И звѣздами и алой денницей;
Я хочу быть твоею безвольной рабой—
Я хочу быть твоею царицей!

Твои глаза.

Твои глаза измѣнчивы, какъ море,
Въ нихъ то восторгъ, то пламенное
горе,
И отраженье водной глубины,
И фальшь, и блескъ таинственной
волны.
Лучи огня и смѣха! Двѣ загадки!
То солнца лучъ, то страстная гроза...
Гляжу въ твои глубокіе глаза,
И мучаюсь, и эти муки сладки.

Смотрю, смотрю, тону въ нихъ взо-
ромъ я...
О, если бы такъ умереть могла я,
Покинуть міръ не мысля, не желая,
И прочь уйти въ страну небытія,

---

*
* *

Небосклонъ ослѣпительно-синій,
Моря нѣжно-лазурная даль;
Всюду группы изящныя пиній,
Бѣлорозовый всюду миндаль.
Отдыхаетъ Везувій усталый,
И легко къ облакамъ золотымъ
Поднимается палевый, алый
Прихотливою тучкою дымъ.
Мы съ тобой ласки трепетной полны,
Милый взглядъ твой любовью горитъ...
Ослѣпительны синія волны,
Жемчугомъ на нихъ пѣна блеститъ.

Слышу въ волнахъ я дивные звуки,
Говорятъ мнѣ о счастьѣ они...

Милый другъ мой! Въ годину разлуки
Этотъ день, этотъ мигъ вспомяни!

Мечта.

Прекрасной бабочкой была моя мечта,
Но въ руки я ее взяла неосторожно,—
И легкихъ крылышекъ исчезла пе-
строта,
И возвратить ее ужъ больше невоз-
можно.

Прекрасной лиліей была моя мечта,
Но слишкомъ я уста прижала къ
ней тревожно,—
И бѣлой лиліи исчезла чистота,
И возвратить ее ужъ больше невоз-
можно.

Остановись, мгновенье!

О, время, стой, останови
Полетъ безжалостный мгновеній,
Дай мнѣ еще, еще любви,
Еще безумныхъ упоеній!
Я просыпаться не хочу,
Мой сладокъ сонъ, блаженны грезы.
Такъ въ небеса перелечу
Изъ міра тьмы, изъ міра прозы.

И на крылахъ своей любви,
Покину міръ безъ сожалѣній.
О, время, стой, останови
Полетъ безжалостныхъ мгновеній!

Люблю тебя.

Люблю тебя, какъ любитъ солнце мая
Цвѣтущихъ яблонь розоватый снѣгъ;
Люблю тебя, какъ любитъ, замирая,
Волна морская—недоступный брегъ.
Люблю тебя, какъ любитъ въ часъ прилива
Луну ночную гордый океанъ,
Какъ любитъ прудъ поникнувшая ива,
Какъ любитъ горы—голубой туманъ.

Какъ эхо любитъ горное ущелье,
Какъ ландышъ любитъ нѣжная весна,
Какъ слезы — грусть, какъ звонкій
смѣхъ—веселье,
Какъ я—тебя любить обречена!..

———

Гармонія.

Тяжелъ мнѣ вѣчный шумъ житейской суеты,
И утонченный ядъ бесѣды злой и праздной,
Пустой калейдоскопъ, всегда однообразный,
Мучительной для глазъ и яркой пестроты.
Онъ утомляетъ умъ, несетъ усталость взгляду...
Люблю я тихіе часы съ тобой вдвоемъ,
Когда, счастливые, молчимъ мы—объ одномъ,
Впивая сумерокъ спокойную отраду.

Благословляю я святую тишину,
Что дышитъ нѣжностью задумчивой
и ясной...
И наши двѣ души сливаются въ одну,
Какъ двѣ мелодіи въ гармоніи со-
гласной!..

Berceuse.

Все тихо вокругъ и темно,
Погасли дневные огни,
И ночь пролетѣла нѣмая...
Усни, мое сердце, усни.
Одна я, одна я давно!
Промчались волшебные дни...
Спокойствію ночи внимая,
Усни, мое сердце, усни!
Тѣ дни позабыть ты должно́,
Увы, не вернутся они...
Ихъ ночь поглотила нѣмая...
Усни, мое сердце, усни.

Нѣтъ счастія—призракъ оно!
Дарятъ сновидѣнья одни
  Намъ грезы, прекраснѣе мая...
    Усни, мое сердце, усни!..

— — —

Сумерки.

А вѣтеръ все шумитъ въ темнѣющей
аллеѣ,
А дождикъ все стучитъ въ закрытое
окно—
Вечерняя звѣзда блистаетъ все ту-
склѣе,
И небо грустное, какъ жизнь моя,
темно!
Въ приливѣ трепетномъ какой-то гру-
стной лѣни,
Рука съ работою упала на колѣни,

И подъ наивное чиликанье сверчка
Обрывки мыслей, думъ, переплетаясь
странно,
Плывутъ разсѣянно, печально и ту-
манно,
Какъ въ небѣ осени печальной обла-
ка...
И хочется къ тебѣ прижаться понѣж-
нѣе,
И сладко отдохнуть... Но ты не здѣсь
давно!
А вѣтеръ все шумитъ въ темнѣющей
аллеѣ,
А дождикъ все стучитъ въ закрытое
окно.

Осень.

Въ осенній грустный день, когда пе-
чальнымъ свѣтомъ
Въ твое окно послѣдній лучъ блеснетъ,
Когда увидишь ты, какъ плющъ пур-
пурнымъ цвѣтомъ
Увядшій садъ, прощаясь, обовьетъ;

Когда увидишь ты, какъ увядаютъ розы,
И листья золотымъ дождемъ летятъ—
Пусть на глазахъ твоихъ не высту-
паютъ слезы
И душу не томитъ печали ядъ.

Покинь душою міръ осенней тьмы и
скуки,
Припомни тѣ чарующіе дни,
Когда, не вѣдая печали и разлуки,
Мы были счастливы—совсѣмъ одни...

И снова все тебѣ вокругъ заблещетъ
лѣтомъ,
И въ душу радость снизойдетъ,
Въ осенній грустный день, когда пе-
чальнымъ свѣтомъ
Въ твое окно послѣдній лучъ блеснетъ!

Amoroso.

Скажи, гдѣ старыхъ липъ душистая
аллея,
Въ которой насъ никто не могъ-бы
увидать;
Въ тѣни ся хочу, о милый, не краснѣя,
Склонясь къ тебѣ на грудь, «люблю»
тебѣ шептать.

. . . .

Цѣлуй меня, цѣлуй! Теперь здѣсь нѣтъ
угрозы,
Теперь намъ клевета людская не
страшна;

Чтобъ не увидѣть насъ, головки склонятъ розы
И спрячется за облако луна.
Чтобъ не услышать насъ, сосна зашепчетъ съ елью,
И затрещитъ сверчокъ, и вѣтеръ зашумитъ,
И соловей своей волшебной трелью
Нашъ поцѣлуй смущенный заглушитъ!

---

* *
*

Возлюбите врага...—заповѣдалъ Христосъ,—
Оттого и люблю я тебя.
Ты-ль не врагъ мнѣ? О сколько мнѣ горя и слезъ
Твой плѣнительный образъ съ собою принесъ,
Мою юную душу сгубя.
Онъ зажегъ меня всю непонятнымъ огнемъ,
Онъ лишилъ меня дѣтскаго сна...
Мои думы о немъ, мои грезы о немъ,
И душа вся отравы полна.

Всю-то ночь предо мной неотвязный
вопросъ:
Любишь ты? Или шутишь со мной,
не любя?..
Возлюбите врага...—заповѣдалъ Хри-
стосъ,—
Оттого и люблю я тебя!..

* *
*

Говорятъ, я мила... Говорятъ, что мой
взглядъ
То голубитъ, то жжетъ, какъ огнемъ,
Звонкій смѣхъ мой весельемъ звучитъ,
говорятъ...
Ты не любишь?.. Такъ что же мнѣ въ
немъ?

Говорятъ, небеса вдохновенье дарятъ
Часто музѣ капризной моей;
Моя жизнь дорога для людей, гово-
рятъ...
Ты не любишь?.. Такъ что же мнѣ
въ ней?..

---

* *
*

Твоей трепетавшей холодной руки
Своей я коснулась рукою.
Какъ близки мы были съ тобою,
Какъ были въ тотъ мигъ мы съ тобой
далеки!

Безумный горѣлъ на устахъ поцѣ-
луй,
Мы чувствомъ однимъ трепетали.
«Прощайте»—уста прошептали,
А очи сказали: «люблю, не тоскуй!..»

* *
*

На дворѣ и дождь, и слякоть...
Мраченъ неба тусклый свѣтъ.
Мнѣ хотѣлось бы заплакать—
Но и слезъ то больше нѣтъ.
Неужли теперь же гдѣ-то,
Тамъ, въ невѣдомой странѣ,
Свѣтитъ солнце, блещетъ лѣто
Въ ароматной тишинѣ?
И съ истомой полусонной
Внемлетъ свѣжая листва,
Какъ подругѣ—другъ влюбленный
Говоритъ любви слова?..

***

Я думала о васъ... Минуты нашей встрѣчи
Вставали предо мной такъ ярко, такъ свѣтло.
Всѣ ваши пылкія, живыя ваши рѣчи
Воспоминанье мнѣ съ собою привело.
Мечта неясная о счастьѣ... невозможномъ
Коснулась сердца мнѣ въ вечерній тихій часъ...
Средь шумной суеты, въ чаду пустомъ и ложномъ,
Мнѣ было хорошо... Я думала о васъ.

---

* *
*

Я на тебя гляжу съ улыбкой,
Уста мои такъ горячи...
Пусть это будетъ хоть ошибкой—
Молчи, молчи!
На землю рѣдко и нежданно
Нисходятъ счастія лучи...
Пусть это ново, это странно—
Молчи... молчи!

Разлука.

Оба наши чувства, какъ двѣ розы пышныя,
На одномъ стеблѣ роскошно расцвѣли,
Оба наши сердца—тайныя, неслышныя,
Сладостныя ласки пламенемъ зажгли.
Эти поцѣлуи наши молчаливые,
Душу опьянивъ, съ ума меня свели...
О, пойми-жъ, какіе дни пойдутъ тоскливые
Отъ тебя вдали!

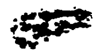
* *
*

Къ чему тебѣ стихи мои, скажи?
Ненужныхъ фразъ пустыя сочетанья,
Неясные намеки, очертанья,
Туманныя слова красивой лжи...
Къ чему стихи? Есть выше красота:
Узнавъ ее, научишься ты счастью.
— Возьми себѣ мои уста—
Двѣ риѳмы алыя и дышащія страстью.
— Глаза мои себѣ возьми,
Двѣ, непрочтенныя людьми,
Поэмы, полныя всей тайны упоеній.

И, наконецъ, своею назови
Ты книгу первыхъ грезъ и первыхъ
вдохновеній
Моей любви!..

* *
*

Не удивляйся, что тебѣ я
Не отдаю стиховъ моихъ:
Какъ предъ святынею робѣя,
Передъ тобой молчитъ мой стихъ.
Чтобъ разсказать всѣ наши ласки,
Нужна была бы сердца кровь,
Не хватитъ словъ, не хватитъ краски,
Чтобъ выразить мою любовь!

* *
*

Я любовалась ласковымъ закатомъ
Въ вечерній часъ,
Когда на небѣ блѣдно-розоватомъ
День тихо гасъ.
Кругомъ повсюду нѣжной акварели
Тона легли,
И, дѣти неба, на дѣтей земли
Спокойно звѣзды блѣдныя смотрѣли.
А здѣсь, изъ сада, бѣлые цвѣты
Съ душистымъ запахомъ ванили
Такъ жадно ждали темноты
И все меня къ себѣ манили.

Но я не шла къ нимъ! Я, какъ и они,
Царицу-ночь звала украдкой.
И вотъ—взгляни!
Она пришла съ медлительностью сладкой,
Тѣней и тайнъ и трепета полна...
Я жду—я здѣсь одна!..

———

СТАРАЯ СКАЗКА.

Старая сказка.

Въ просторной комнатѣ царила тишина,
Часы ходъ времени лѣниво отмѣчали,
И было все полно таинственной печали.
  Неяснымъ свѣтомъ чуть озарена
  Изъ-подъ большого абажура,
Въ зеленомъ сумракѣ виднѣлася фигура
Склоненной женщины; бѣлѣлася кро-
вать,
А эта женщина припала къ изголовью
Съ такою пламенной тоской, съ такой
любовью,
  Что сразу можно было-бъ отгадать,

Что здѣсь идетъ борьба, и что за жизнь
ребенка
Здѣсь борется измученная мать.
А въ полной тишинѣ такъ странно,
слишкомъ звонко,
Звучалъ порывистый и нервный голосокъ,
И лихорадочно стремился словъ потокъ.
— Ну, что же, мамочка! Опять ты
замолчала?
Еще мнѣ сказочку скажи:
О Золушкѣ мнѣ разскажи сначала,
Какъ у нея была карета и пажи,
И какъ пропало все... И объ Ослиной
Кожѣ,

Какъ гадкій царь ее прогналъ въ пятнадцать лѣтъ,
И какъ она пустилась нищей въ свѣтъ.
Послушай! Въ сказкахъ вѣдь совсѣмъ на насъ похоже:
Все было у меня,—и ничего вдругъ нѣтъ!
Скажи мнѣ... Кто теперь живетъ у насъ въ квартирѣ?
— Чужіе, милый мой!..
— Есть мальчики у нихъ?
Кто въ дѣтской спитъ моей, у этихъ... у чужихъ?
Ахъ!.. Наша дѣтская была всѣхъ лучше въ мірѣ.
Какъ я любилъ глядѣть въ нашъ садикъ изъ окна!..

Тамъ было такъ свѣтло... тамъ было
все чудесно!
А здѣсь совсѣмъ не то. У насъ темно
и тѣсно...
Вотъ эта сѣрая, противная стѣна,
Мнѣ на нее смотрѣть всегда головкѣ
больно.
— Ну, полно, мальчикъ мой, довольно:
Вотъ ты поправишься, сыночекъ мой
родной,
И къ тетѣ, можетъ быть, поѣдемъ мы
весной:
Тамъ будемъ мы гулять, удить, ку-
паться въ морѣ,
За ягодами въ лѣсъ...
— А купишь мнѣ ружье?
— Куплю, куплю тебѣ, сокровище мое.

Попробуй-ка уснуть?..
Съ тревогою во взорѣ,
Пылавшій лобикъ тронула она:
— Усни, мой маленькій, закрой спокойно глазки!
— Нѣтъ, спать я не хочу.
— Чего-жъ ты хочешь?
— Сказки.
— О Красной Шапочкѣ?
— Нѣтъ, эта мнѣ скучна.
— Тогда о Золушкѣ?
— И Золушки не нужно!
— О Синей Бородѣ?
— Я знаю наизусть.
— О Ванѣ съ Машею, какъ дѣтки жили дружно?..

— Нѣтъ, новая пусть будетъ сказка,
пусть!
Ты выдумай сама,
— Сама... постой... но что же?..
Жилъ мальчикъ маленькій...
— Такой какъ я, скажи?
— Такой какъ ты, спокойнѣе лежи.
Жилъ мальчикъ съ мамочкой своей...
— И съ папой тоже?
— И съ папой, да. Онъ былъ...
— Постой!
Скажи мнѣ, мамочка, скажи, гдѣ папа
мой?..
— Уѣхалъ по дѣламъ; тебѣ вѣдь я
сказала.
— Нѣтъ, вотъ что: я тебѣ скажу
одинъ секретъ:

Послушай, мамочка, не уѣзжалъ онъ,
нѣтъ!
Ты этого не знала?
Когда ходилъ гулять я съ няней въ
Лѣтній садъ,
Я встрѣтилъ вѣдь его! Онъ былъ съ
красивой дамой...
Нѣтъ, право, я не лгу. Ты знаешь,
съ этой самой,
Что пріѣзжала къ намъ два вечера
подрядъ,
Когда ты къ тетѣ ѣздила на дачу.
Она еще тогда конфектъ мнѣ при-
везла...
Но все-таки она мнѣ показалась зла.
Да не смотри же такъ, не то сейчасъ
заплачу!

О, мама, я боюсь!
— Нѣтъ, нѣтъ, мой маленькій, ты ви-
дишь, я смѣюсь;
Ну, успокойся же! Ты и забылъ про
сказку!
Тотъ мальчикъ маленькій послушнымъ
былъ всегда,
И вотъ ему купили разъ коляску
И ослика...
— Живого, мама, да?
— Живого, милый мой.
— О, мама, мнѣ неловко!
Мнѣ жарко, душно мнѣ, и такъ бо-
литъ головка!
— Усни, сыночекъ мой!..
— Ахъ, мама, больно мнѣ!
Возьми меня къ себѣ!..

И мальчикъ весь въ огнѣ
Метался на рукахъ у матери несчастной.
Она баюкала его съ тоскою страстной,
И прижимала съ нѣжностью къ груди,
И, на него съ тревогой глядя,
Шептала:
— Ангелъ мой, родной мой, погоди,
Вотъ докторъ къ намъ придетъ, ты
знаешь,—добрый дядя,
Лѣкарство дастъ тебѣ, головка и прой-
детъ.
О, няня, поскорѣй перемѣните ледъ!
— Живого ослика? О! Я боюсь той
дамы!
Пусть папа купитъ мнѣ... Я не уйду
отъ мамы,
Я... не... хочу!..

Но вотъ, измученъ, истомленъ,
Тяжелымъ сномъ забылся онъ.
Со взглядомъ полнымъ муки
Мать, на колѣняхъ и ломая руки,
Твердила, какъ въ бреду, несвязныя слова:
— Онъ у меня одинъ теперь, о, Боже!
Спаси обоихъ насъ! Онъ мнѣ всего дороже.
Я имъ дышу, я имъ жива!
О, сохрани его Своей всесильной властью,
Ужели мало одному несчастью...
Но если жизнь Тебѣ нужна—возьми мою,
Ее безропотно Тебѣ я отдаю!

И слезы жгучія текли, полны печали.
Онѣ измученной души не облегчали—
Отравы полонъ былъ горючій ихъ по-
токъ.
Вдругъ, въ тишинѣ ночной, продре-
безжалъ звонокъ.
Навстрѣчу кинулась она къ нему
мгновенно.
Надежда у нея мелькнула сокровенно:
— Вы, докторъ? Наконецъ!.. Ты?..
Вы?.. Вы здѣсь?.. Зачѣмъ?..
Въ отвѣтъ ей голосъ раздался надменно:
— Мнѣ кажется, что здѣсь не лишній
я совсѣмъ,
Ребенокъ боленъ нашъ... Я счелъ свя-
щеннымъ долгомъ
Заѣхать...

По молчаньи долгомъ,
Собравшись съ силами, отвѣтила она:
— О долгѣ говорить рѣшились вы со мною?..
Послушайте! Намъ здѣсь рисовка не нужна.
Да, вы насъ бросили. Вы разошлись съ женою...
О, Боже мой, такъ просто разошлись!
Стѣсненій никакихъ, исполненъ вашъ капризъ,
Вамъ такъ нужна была свобода!..
Но справились ли вы о сынѣ за полгода?
Вы намъ кидали жалкіе гроши,
Чтобъ обезпечить намъ существованье,
Но сколько дали вы жестокаго страданья

Для этой маленькой души
Ни въ чемъ невиннаго созданья?
Пока онъ былъ здоровъ, забыли вы
его.
Вамъ и не шла на умъ та нравствен-
ная ломка,
Которой обрекли вы сына своего.
— Гдѣ папа? Что за роль играетъ у
него
И въ домѣ и въ душѣ та... незнакомка?
Зачѣмъ вашъ сынъ лишенъ родного
уголка,
Тепла и воздуха, и свѣта?
Зачѣмъ въ слезахъ, всю въ чер-
номъ, безъ привѣта
Онъ видитъ мать свою? Зачѣмъ такъ
далека

Теперь ужъ отъ него вся жизнь его
былая?
И наконецъ, зачѣмъ... зачѣмъ ему
лгала я,
Что вы уѣхали?
— Зачѣмъ же лгали вы?
— Что-жъ мнѣ сказать ему? Онъ про-
ситъ объясненья,
Но слишкомъ тяжелы вопросы и сом-
нѣнья
Для восьмилѣтней головы!
Сознайтесь... вы не думали объ этомъ?
Зачѣмъ же вы явились къ намъ сей-
часъ,
Дразнить ребенка отнятымъ привѣтомъ?
Нѣтъ, лучше во-время уйдите вы отъ
насъ.

Весь слабый организмъ его теперь подкошенъ,
Онъ мнѣ принадлежитъ! Да, мнѣ! Онъ вами брошенъ.
Что-жъ? Явится къ нему покинувшій отецъ,
И снова дастъ ему счастливую минутку,
И прочь опять уйдетъ? Оставьте-жъ, наконецъ,
Для сердца дѣтскаго такую злую шутку.
О, пожалѣйте же его... и... и меня.
Вѣдь я любила васъ! Но, голову склоня
Предъ вашей волею, я отказалась сразу
Отъ счастья своего, смиренно, какъ раба.
Такая наша женская судьба!

Не проронила ни одну я фразу,
Что оскорбить бы васъ могла!
Какъ много мнѣ вы причинили зла,
Какую нанесли мучительную рану
Моей душѣ—я говорить не стану.
Но для него... Теперь я лишь его люблю.
Оставьте насъ вдвоемъ! Не мучайте напрасно!
Онъ боленъ! Для него волненіе опасно,
Смертельно, можетъ быть. Я жалости молю!
Но, отстранивъ ее сурово,
Онъ кинулъ ей:—Что значитъ вашъ испугъ?
Довольно нервничать! Вы бредите, мой другъ!

И мимо онъ прошелъ. Она—за нимъ, готова,
Когда придется, у него
Ребенка вырвать своего.
Но, быстро подбѣжавъ къ постели,
Вдругъ пошатнулась:—Неужели?!.
Мой мальчикъ... что это? Мой Богъ! Не дышитъ онъ!..
И съ воплемъ замерла... Отецъ глядитъ, несмѣлый,
На блѣдныя уста, на лобикъ посинѣлый...
— Тсс!.. Сказка кончена—послѣдній крѣпокъ сонъ!..

ПРЕЛЕСТНЫЙ ЧАСЪ.

(Переводъ изъ Ростана).

Прелестный часъ.

Подъ звуки музыки обѣдъ кончался
поздно.
Весь старый паркъ блестѣлъ, элегію
забывъ;
Порою вѣтерка душистаго порывъ
Покачивалъ въ вѣтвяхъ легко и гра-
ціозно
Цвѣтныя чашечки японскихъ фонарей,
Лиловыхъ, розовыхъ и палевыхъ огней.
Ихъ отраженія, какъ тонкія спирали,
На водахъ озера колеблясь умирали.
То чудный вечеръ былъ!.. Сливались,
какъ сквозь сонъ,

Природы красота и прелесть декорацій,
Листва столѣтнихъ липъ и молодыхъ
акацій
Смыкались въ вышинѣ, какъ сказочный
плафонъ.
Въ отверстія ея смотрѣли къ намъ,
мерцая,
Далекихъ звѣздъ огни, и тихо въ этотъ
часъ
Безпечная любовь царила между насъ,—
Любовь свободная, глубокая, живая.
Куда-то далеко дѣйствительность ушла,
Все залито луной, и сосенъ силуэты,
Какъ блѣднымъ бархатомъ, сіяніемъ
одѣты;
Въ убранствѣ тщательно накрытаго
стола

Исчезъ порядокъ весь; на канделябрахъ
стройныхъ
Рядъ огоньковъ дрожитъ, веселыхъ,
безпокойныхъ,
Прикрытыхъ розовымъ щиткомъ цвѣт-
ной тафты,
Прозрачно-розовыхъ, какъ странные
цвѣты.
То чудный вечеръ былъ, волшебный,
незабвенный;
О немъ не вспомнить намъ безъ гру-
сти сокровенной.
Аристократія талантовъ и умовъ,
Аристократія сердецъ неповседнев-
ныхъ,
Тѣ взгляды, полные значенія безъ
словъ,

Молчанье, полное мечтаній задушев-
ныхъ...
На мигъ—задумчивость, и съ новымъ
вдругъ огнемъ
Польется разговоръ, души коснется
страстно
Рѣчь вдохновенная, звучащая согласно
Одной вибраціей съ чистѣйшимъ хру-
сталемъ.
Въ бокалахъ искрилось живительное
Асти,
И, подчиняя насъ своей красивой власти,
Старалась роскошь насъ блаженствомъ
окружить.
Фіалки на столѣ набросаны небрежно,
Однѣ, темнѣй, еще благоухали нѣжно;
То были Пармскія... онѣ хотѣли жить—

То были Пармскія; лѣсныя—умирали.
Какъ будто сорвана невидимой рукой,
Вдругъ трепетала вся одна изъ розъ
порой,
И лепестки ея всѣ сразу облетали.
Въ малѣйшей складочкѣ, въ изяществѣ
цвѣтка,
Во всемъ—скрывались здѣсь изящества
вѣка;
Вѣка развитія въ малѣйшей фразѣ
крылись;
И въ каждомъ кустикѣ такъ ярко от-
разились
Вѣка борьбы и жертвъ, и духа тор-
жество
Надъ первобытною матеріей тяжелой.

А разговоръ лился изящный и веселый;
Касались музыки, поэзіи,—всего,—
И метафизики... Былъ шумъ и смѣхъ повсюду,—
Напрасно въ тишь и въ ночь манила темнота.
Вотъ подали на столъ лѣсной клубники груду.
Пунцовымъ ягодамъ—пунцовыя уста
Прелестныхъ лакомокъ лукаво улыбались;
Онѣ довѣрчивѣй къ сосѣду нагибались,
И пополамъ, смѣясь, дѣлили свой миндаль;

А рядомъ вспыхнулъ споръ и слыша-
лось «Стендàль».
На вянущихъ цвѣтахъ играли блики
свѣта;
Въ бокалахъ таялъ ледъ прозрачнаго
сорбета.
Минутой странный насъ охватывалъ
экстазъ.
Что было поводомъ для этого экстаза?
Быть можетъ, полная глубокой тайны
фраза,
Движеніе рѣсницъ и взглядъ глубо-
кихъ глазъ;
А можетъ быть, и видъ какой-нибудь
бездѣлки,
Дессертный ножичекъ особенной от-
дѣлки.

То былъ тотъ дивный часъ, когда въ уставшій залъ
Съ террасы свѣжая вливается прохлада;
Когда, облокотясь, оставивъ свой бокалъ,
Мечтаешь безъ конца надъ кистью винограда...
И рѣчь становится загадочнѣй, смутнѣй,
И непонятные намеки слышишь въ ней.
Любовь свободная, глубокая, живая,
Безпечная любовь царила между насъ,
И были мы дѣтьми въ блаженный этотъ часъ.
Кто говорилъ стихи, кто умолкалъ, мечтая,

Зажглись огни сигаръ, и легкій дымъ гаванпъ
Головки дамъ облекъ, какъ голубой туманъ.
У самыхъ сдержанныхъ—отвѣтовъ рядъ задорныхъ
Вертѣлся на устахъ; въ петлицахъ фраковъ черныхъ
Явились звѣздочки душистыя гвоздикъ,
Похищенныхъ у вырѣзныхъ корсажей.
Вотъ отдаленный вальсъ лукаво къ намъ проникъ,
И отраженіемъ несбыточныхъ миражей
Въ глазахъ мечтательницъ зажегъ онъ странный свѣтъ.

Теперь онѣ едва находятъ намъ от-
вѣтъ
И, кольца на рукахъ ломая машинально,
Слѣдятъ, какъ вальсъ звучитъ и сладко и печально.
А ночь вливается весеннею волной,
И запахомъ цвѣтовъ весь полонъ садъ ночной;
И ароматъ духовъ, и дымъ сигары цѣнной
Легко сливается съ душистымъ вѣтеркомъ.
То чудный вечеръ былъ, волшебный, незабвенный,
О немъ не вспомнить намъ безъ грусти сокровенной.

О, тихій, нервный смѣхъ... И долгій
взглядъ тайкомъ.
Остроты, полныя насмѣшки утончен-
ной,
Гримаска милая притворно-огорченной,
Тутъ философіи возвышенная рѣчь,
А здѣсь эстетика, идеи. идеалы,—
Горячія слова... А тамъ—пожатье
плечъ
Въ отвѣтъ на полные намековъ мад-
ригалы.
Свѣжѣетъ. На плечи накинутъ тюль
и газъ,
Слегка наводитъ дрожь вечерняя про-
хлада;
Но пары прячутся въ аллеяхъ темныхъ
сада,

Скрываются вдвоемъ отъ любопытныхъ
глазъ.
Во мракѣ статуи склоняются, бѣлѣя,
И манитъ къ озеру душистая аллея.
Цвѣтныя звѣздочки скользятъ со всѣхъ
сторонъ.
На лодкахъ свѣтъ, огни и мандолины
звонъ,—
И пѣсня нѣжная своей истомой слад-
кой
Охватываетъ всѣхъ какой-то лихорад-
кой,
И нервы подняты, и блѣдность на челѣ,
И сердце сладкій сонъ вкушаетъ на
землѣ.
То чудный вечеръ былъ, волшебный,
незабвенный,

О немъ не вспомнить намъ безъ грусти сокровенной.
Невольно смолкли мы, а вѣтерокъ ночной
Всѣ свѣчи потушилъ и тѣшился надъ нами:
Пугая, заставлялъ подъ темными вѣтвями
Пожаромъ запылать фонарикъ расписной.
И чудный вѣтеръ тотъ намъ былъ прекраснѣй вдвое
Своей безпечностью, тревожностью своей.
И пробуждалось въ насъ сомнѣнье роковое,

Что гибель ужъ близка,—что отданы
мы ей.
Нашъ праздникъ былъ хорошъ, хорошъ
своей печалью,—
Какъ все, что кончиться и умереть
должно:
И этотъ яркій свѣтъ, и пѣсни, и вино,
Біеніе сердецъ, и тамъ за синей далью
Всходящая луна, и музыка, и смѣхъ,
И женщинъ красота, и на устахъ у
всѣхъ
Остроты легкія,—изящная небреж-
ность,
Сердецъ испорченныхъ, но утончен-
ныхъ, нѣжность,
Смѣшеніе умовъ всѣхъ націй и всѣхъ
расъ,

И жемчугъ, и стихи, и розы, и искус-
ство—
Все это было здѣсь... И странное всѣхъ
насъ
Невыразимое охватывало чувство,
Когда мы думали, что скоро безъ
слѣда
Погибнетъ это все, погибнетъ—на-
всегда.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Фантазіи.

Японскія миніатюры.

Акварели

Изъ пѣсенъ любви.

Старая сказка.

Прелестный часъ.

(Переводъ изъ Ростана).

Лухманова. Избранные разсказы. Ц. 1 р. 1902 г.
Мясницкій, И. «Замоскворѣцкія свахи». Юморист. разск. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
— «Ихъ степенства». Ц. 1 р. 50 к.
— «Смѣха ради». Юмор. сборн. разск. Ц. 1 р. 2-е изд.
— «Женитьба Крутозобова». Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— «Проказники». Юмор. очерки и сценки. Изданіе 3-е. Ц. 1 р. 25 к.
— «Гостинодворцы». Повѣсть. Ц. 2 р.
— «Милые люди». Сборн. юмор. разск. Ц. 1 р. 3-е изд.
— «Милыя дамы». Юмористическіе разсказы. Изд. 4-е. Ц. 1 р.
— «Смѣшная публика». Юмористич. разсказы. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.
— «Около милліоновъ». Повѣсть. Ц. 1 р.
— «Подъ веселую руку». Юмор. сборн. разск. Ц. 1 р.
— «Безъ языка». Юмор. сборн. разсказовъ. Ц. 1 р.
— «Дачныя прелести». Юмор. сборн. разск. Ц. 1 р.
— «Житейскія комедіи». Юмор. сборн. Ц. 1 р.
— «Отъ скуки». Юмор. сборн. Ц. 1 р.
— «Струйки смѣха». 1900 г. Ц. 1 р.
— «Приключенія Жоржа Бантикова и Сержа Кантикова». Ц. 1 р.
— «Мужья и жены». Ц. 1 р.
— «Веселые разсказы». Ц. 1 р.
— «Господа коммерсанты». Ц. 1 р.
— «Блестки юмора». Ц. 1 р.
— «Юмористическія шалости». Ц. 1 р.
— 24 юморист. разсказа. Ц. 1 р. 1902 г.
Мачтетъ, Г. «Баба» и другіе разсказы. (Силуэты, т. 1-й). Изд. 2-е. Ц. 1 р.
— «Именемъ закона». «Человѣкъ съ планомъ». Изд. 2-е. Ц. 1 р.
— «Блудный сынъ». Повѣсть. (Силуэты, т. 1-й). Ц. 1 р.
— «Живыя картинки». Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. Ц. 1 р.
— «На досугѣ». Новый сборн. пов. и разсказовъ. Ц. 1 р.
Мура, Ф. «Милліонеры». Ц. 1 р.
Маминъ-Сибирякъ. «Именинникъ». Ц. 1 р.
— «Уральскіе разсказы», т. 4-й. Ц. 1 р.
— «Преступники». Ц. 1 р.
— Повѣсти. Ц. 1 р.
— «Безъ названія». Ц. 1 р. 25 к. 1902 г.
— «Золото». Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к. 1902 г.
— «Приваловскіе милліоны». Изд. 2-е. Ц. 2 р. 1902 г.
— «Золотая муха» и др. разсказы. Ц. 1 р. 1902 г.

Мопассанъ. «Дядя Милонъ». Ц. 60 к.
— «Воскресные дни парижскаго буржуа». Ц. 1 р.
Негри, Ада. «Борьба и любовь». Ц. 50 к.
Немировичъ-Данченко, Вас. «Гроза». Изданіе 8-е. Ц. 1 р. 50 к.
— «Двѣ ночи». Ц. 1 р.
— «Королева въ лохмотьяхъ». Ц. 1 р. 25 к.
— «Новые разсказы». Ц. 75 к.
— «Городской голова». Ц. 1 р. 25 к.
— «Царица Тамара». Ц. 1 р.
— «Семья богатырей». Ц. 1 р. 50 к.
— «Вольный шамхаръ». Ц. 1 р. 25 к. 1902 г.
Немировичъ-Данченко, Влад. «Губернаторская ревизія». Нов. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
— «Сны». Ц. 1 р.
— «Въ степи». Ц. 1 р. 25 к.
Нордау М. «Комедія чувства». Ц. 1 р.
— «Современные французы». Ц. 1 р. 25 к.
— «Болѣзнь вѣка». 1 р. 50 к.
Недолинъ. «Искры». Ц. 1 р.
Наживинъ. Дешевые люди. Ц. 1 р. 1902 г.
Николаевъ, П. Ѳ. «Вопросы жизни». Ц. 2 р. 1902 г.
Ницше, Фр. «Такъ говорилъ Заратустра». Изд. 3-е. Ц. 1 р.
— «По ту сторону добра и зла». Изд. 3-е. Ц. 1 р.
— «Сумерки кумировъ». Изд. 2-е. Ц. 1 р.
— «Происхожд. трагедіи». «Объ антихристѣ». Ц. 1 р. 25 к.
— «Человѣческое, слишкомъ человѣческое». Ц. 1 р. 25 к.
— «Человѣкъ, какъ онъ есть». Ц. 1 р. 25 к.
— «Странникъ и его тѣнь». Ц. 1 р.
— «Утренняя заря». Ц. 1 р. 25 к.
— «Веселая наука». Ц. 1 р. 25 к.
Ненашевъ. «Путеводитель по Западной Европѣ». Изд. 2-е. Ц. 2 р.
— «Русско-франц. разговоры». Ц. 40 к.
— «Русско-нѣмецк. разговоры. Ц. 40 к.
Онэ. «Развращенный Парижъ». Ц. 1 р.
Оствальдъ. «Натуръ-философія». Ц. 2 р. 1902 г.
Ольденбергъ. «Будда, его жизнь, ученіе и община». Изд. 3-е. Ц. 2 р.
Оржешко. «Аргонавты». Ц. 1 р. 25 к.
— «Дымъ». Ц. 30 к.
— «Открытое письмо къ нѣмецкимъ женщинамъ и французамъ о полькѣ». Ц. 40 к.
— «Анастасія». Повѣсть. Ц. 60 к. 1902 г.
Прево, М. «Полудѣвы». Романъ, Ц. 1 р.

Прево, М. «Желтое домино». Ц. 50 к.
— «Мелкіе разсказы». Изд. 2-е. Ц. 60 к.
— «Послѣднія письма женщинъ». Ц. 60 к.
— «Женское движеніе» (Léa). Ц. 1 р.
— «Счастливое супружество». Ц. 60 к.

Пелисье. «Критическ. этюды современной литературы. 1901 г. Ц. 1 р.

Потапенко И. «Черезъ любовь». Ром. Ц. 1 р.
— «Встрѣча». Романъ. Ц. 2 р.
— «Безъ промаха». Ц. 1 р. 50 к.
— «Докторъ Кочневъ». Ц. 1 р. 50 к.

Ресслеръ. «Электродвигатели перемѣннаго и трехфазнаго тока». Пер. подъ ред. препод. электр. въ Имп. Моск. Техн. Училищѣ Б. И. Угримова. Ц. 1 р. 50 к.

Сайсъ. «Хеттеи», или исторія забытаго царства. Ц. 60 к.

Сенкевичъ Генрихъ. «Крестоносцы». Ц. 2 р. 50 к.
— «Камо грядеши». Ц. 1 р. 50 к.
— «Панъ Володыевскій». Ц. 1 р. 50 к.
— «Потопъ». 2 т. Ц. 3 р.

Саловъ. «Мелочи жизни». Ц. 1 р. 25 к.
— «Несобравшіяся дрожжи». Ц. 60 к.
— «Босоножка». Ц. 40 к.
— «Три разсказа». Ц. 75 к.

Смирновъ. «Риѳмы невиннаго свойства». Ц. 1 р.

Тэри. «Денежное обращеніе». Ц. 40 к.

Тепловъ. «Случайная жертва». Ром. Ц. 1 р. 25 к.
— «Тучки». Сборн. разск. Ц. 60 к.

Уида. «Массарины». Романъ. Ц. 2 р.

Фулье. «Исторія философіи». Изд 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

Флери, д-ръ. «Физич. и нрав. воспитаніе ребенка». Ц. 75 к.

Фонъ - Хейденфельдъ. «Изъ женской жизни». По поводу «Крейцеровой сонаты». Изд. 3-е. Ц. 40 к. (8—11 тысячи).

Фонъ-Поленцъ. «Крестьянинъ». Ц. 1 р. 20 к. 1902 г.

Хоинскій, I. «Заходящее свѣтило». Ром. изъ временъ Марка Аврелія. Ц. 1 р. 50 к.

Шпильгагенъ. «Жертва». Ром. Ц. 1 р. 50 к.

Шнитцлеръ. «Трилогія». Ц. 50 к.
— «Тетралогія». Ц. 75 к. 1902 г.

Щепкина-Куперникъ. «Незамѣтные люди». Ц. 1 р.
— «Ничтожные міра сего». Ц. 1 р.
— «Мои стихи». Ц. 1 р.
— «Письма изъ далека». Ц. 1 р. 1902 г.
— «Около кулисъ». Ц. 1 р. 1902 г.
— «Труждающіеся и обремененные». Ц. 1 р. 1902 г.
— «Странички жизни». Ц. 1 р.

